

Урожайный Детектив

Наталья Александрова



Под сенью
Кактуса в цвету



Частный сыщик Василий Куликов

Наталья Александрова

Под сенью кактуса в цвету

«АСТ»

2010

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Под сенью кактуса в цвету / Н. Н. Александрова — «АСТ»,
2010 — (Частный сыщик Василий Куликов)

Василиса Селезнева с детства любила фильмы и книги о частных сыщиках. Эта профессия для нее была овеяна ореолом загадочности и романтизма – слежка днем и ночью, многочасовые засады, поиск улик, аресты и задержания, допрос подозреваемых... Поэтому, когда ей предложили работу в частном детективном агентстве, она не раздумывая согласилась. Однако в реальности все оказалось не так, как в радужных мечтах. Клиенты появлялись нечасто, да и те, что приходили, платили более чем скромные гонорары и поручали не слишком интересные дела. Вот и на этот раз Василисе предстояло заняться поисками загулявшей продавщицы цветочного магазина. В колокола забила ее тетка – племянница не ночевала дома. Ну подумаешь, дело молодое. Однако вскоре выяснилось, что девушка подалась в бега. Василиса с ног сбилась, чтобы узнать, от кого она прячется. Книга также выходила под названием «Алмазная принцесса».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2010
© АСТ, 2010

Наталья Александрова

Под сенью кактуса в цвету

© Н. Александрова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Василий Макарович поудобнее устроился у окна с биноклем и навел резкость.

Отсюда ему был отлично виден соседний загородный дом – тот, куда приехал его «объект», процветающий бизнесмен средних лет Михаил Бабочкин.

Машина Бабочкина въехала во двор, ворота за ней автоматически закрылись, и на порог вышла невысокая, чуть полноватая женщина средних лет.

На любовницу Бабочкина женщина никак не тянула, однако Василий Макарович для порядка сфотографировал особу, чтобы включить фотографии в отчет, который он готовил для заказчицы. Сфотографировал ее отдельно и вместе с «объектом», который поднялся на крыльцо, передал встретившей его женщине несколько цветных пакетов и вошел в дом.

Василий Макарович Куликов, или, как называли его младшие коллеги и близкие друзья, дядя Вася, отработал в милиции всю свою сознательную жизнь, причем больше двадцати лет – в одном и том же районном отделении. Однако, когда пришла пора выйти на заслуженный отдых и коллеги проводили его, подарив напоследок хороший плазменный телевизор, Куликов почувствовал пустоту и неприкаянность.

Телевизор смотреть он не любил, считал это занятие пустой и никчемной тратой времени. Имелось у него хобби: в свободное время дядя Вася мастерил модели танков и самоходных орудий времен Второй мировой войны – от знаменитой «тридцатьчетверки» и немецкого «тигра» до «Абрамса» и «Кромвеля». Но не будешь же клеить модельки с утра до вечера!

Чувствовал себя Василий Макарович бодро, и ему хотелось чем-то заняться. Заодно и подработать, потому что на милицейскую пенсию не слишком разгуляешься. А единственное, что он умел и любил делать, – это бороться с нарушителями закона, следить за ними днем и ночью, сидеть в многочасовой засаде, искать неопровержимые улики и вещественные доказательства, опрашивать случайных свидетелей, проводить аресты и задержания, допрашивать подозреваемых. В общем, делать все то, чем он занимался в милиции.

По зрелом размышлении Василий Макарович открыл частное детективное агентство.

Агентство у него было совсем маленькое, в нем числились всего два постоянных сотрудника. Сам Куликов – директор и главный оперативный сотрудник в одном лице. И славная девушка Василиса, которая вела бухгалтерию, занималась делопроизводством, а также заменяла Василия Макаровича, когда нужно было проникнуть туда, куда мужчинам вход запрещен, даже если это пожилой милиционер на пенсии, или туда, где мужчина будет слишком бросаться в глаза, – например, в салон красоты или в женскую баню.

Еще в агентстве числился третий сотрудник, но считать его сотрудником можно было только с большой натяжкой, потому что он больше путался под ногами у дяди Васи и подавал голос в самых неподходящих случаях. Хотя, конечно, временами его привлекали к оперативной работе – когда требовалось припугнуть подозреваемого или произвести впечатление на несговорчивого свидетеля.

Этим третьим «сотрудником» был бордоский дог по кличке Бонни – огромный пес песочного цвета с отвислыми щеками и печальным взглядом стареющего философа. Бонни принадлежал Василисе, он достался ей совершенно случайно в ходе одного увлекательного расследования, но их с Василием Макаровичем связывала настоящая мужская дружба.

Итак, Василий Макарович открыл детективное агентство, дал объявление в рекламную газету и стал ждать клиентов.

Однако клиенты появлялись не слишком часто, да и те, что приходили, платили Василию Макаровичу более чем скромные гонорары и поручали ему не слишком интересные дела. В основном женщины просили его проследить за своими беспутными мужьями, а мужчины – за легкомысленными женами.

Вот и нынешняя клиентка, Алиса Бабочкина, поручила Василию Макаровичу наблюдение за своим мужем Михаилом.

Алиса, вторая жена Бабочкина, была ухоженной, капризной женщиной, моложе мужа лет на двадцать. И вот в последнее время она почувствовала, что у Михаила кто-то появился.

«Я ничего не пускаю на самотек, – говорила она детективу при первой встрече. – Слежу, чтобы Михаилу даже случайно не попадались на глаза красивые молодые женщины: никогда не привожу в дом своих подруг, сама подбираю ему секретарш – таких, чтобы у него и мыслей никаких не возникало... желательно с трудовым стажем не меньше тридцати лет. Кроме того, я стараюсь, чтобы у него совершенно не оставалось свободного времени. И тем не менее последний месяц я просто чувствую, что он кого-то себе завел! Вы понимаете, в таком вопросе женщина не может ошибиться!»

Василий Макарович получил небольшой аванс и немедленно приступил к работе.

Действительно, очень скоро он установил, что Бабочкин находится «под колпаком» практически все время: на работе за ним присматривала секретарша, дама лет пятидесяти, бывшая учительница литературы из школы для проблемных детей, доверенное лицо Алисы. Эта секретарша следила за шефом лучше любого детектива, поскольку очень не хотела возвращаться в школу.

С работы Михаил ехал прямо домой, на всякие приемы и светские мероприятия его сопровождала жена.

Единственное место, куда Бабочкин ездил без «конвоя», был кабинет психолога, которого он посещал дважды в неделю.

Как объяснила детективу Алиса, в последнее время у Михаила начались некоторые интимные проблемы. Домашний врач уверенно заявил, что физически Бабочкин совершенно здоров и его проблемы носят чисто психологический характер. Так что последний месяц Михаил регулярно навещался на прием к дорогому психотерапевту, модному среди новой буржуазии.

С этого-то психолога и начал Василий Макарович наблюдение за «объектом».

В первый день он проследил за Бабочкиным до самого кабинета психотерапевта. Убедившись, что Михаил вошел внутрь, дядя Вася занял удобный наблюдательный пост напротив подъезда и дождался, когда бизнесмен выйдет оттуда. При этом вид у Бабочкина был на редкость довольный.

«Надо же, – подумал Василий Макарович. – Как будто не к врачу ходил, а к теще на блины... или... или...»

Додумав эту мысль до конца, Куликов решил в следующий раз удвоить внимание.

В ближайший четверг он снова проследил за своим «объектом» до кабинета психолога и на всякий случай сфотографировал его перед самым входом.

Через два часа бизнесмен снова появился на улице. Вид у него был довольный, на щеках играл свежий румянец, как будто он не пролежал это время на кушетке психотерапевта, а провел его в лесу или на лыжной прогулке.

Озадаченный Василий Макарович сделал на всякий случай еще несколько снимков.

Дома, разглядывая эти фотографии при большом увеличении, он заметил одну довольно странную деталь, прежде ускользнувшую от его внимания.

Когда Бабочкин входил в подъезд психолога, его зимняя куртка была совершенно чистой, что в общем неудивительно. Когда же он выходил оттуда, на черном воротнике из стриженной норки появилось несколько сосновых игл.

«Интересно, откуда они взялись? – задумался почтенный детектив. – Я понимаю, что в приемной врача может расти фикус или пальма, но откуда там взяться сосне?»

На следующей неделе Бабочкин, как обычно, отправился к психотерапевту. Василий Макарович снова проследовал за ним до знакомого дома, но на этот раз не остался возле подъезда, а объехал вокруг здания и остановился по другую его сторону, возле круглосуточного продовольственного магазина.

И он не ошибся: прошло всего несколько минут, и из дверей магазина выскользнул Михаил Бабочкин. На этот раз бизнесмен выглядел очень подозрительно: он поднял воротник, чтобы закрыть лицо, воровато огляделся по сторонам и устремился к припаркованной поблизости темной машине.

Василий Макарович догадался, что происходит: хитрый бизнесмен, почувствовав, что ревнивая жена организовала круглосуточную слежку, договорился с психотерапевтом. Дважды в неделю он приходил к нему на прием, но вместо того, чтобы обсуждать, лежа на кушетке, свои психологические проблемы и вспоминать засевшие глубоко в подсознании детские обиды, он выходил через запасной выход, соединенный с подсобкой магазина, и через несколько минут оказывался на соседней улице, где его уже ждала машина.

Одновременно дядя Вася догадался и о том, почему этот психолог стал так популярен среди богатых клиентов: он создавал им алиби, хорошо на этом зарабатывая и в то же время правильно рассуждая, что роман на стороне может принести заскучавшему мужу больше пользы, чем два часа пустых разговоров.

Итак, Бабочкин сел в машину и выехал на Выборгское шоссе. Василий Макарович пристроился за ним в хвосте и уже через двадцать минут увидел, как машина бизнесмена подъехала к огороженному высоким глухим забором загородному дому неподалеку от Шуваловского парка. Бабочкин вышел из машины, подошел к воротам, огляделся и нажал на кнопку звонка.

Возле самых ворот росла молодая сосна, и Михаил нечаянно задел плечом за ее ветку. Вот, оказывается, откуда взялась на его куртке сосновая хвоя!

Но теперь перед Василием Макаровичем возникла новая проблема: глухой забор не позволял ему разглядеть, что делает Бабочкин в этом загородном доме, и тем более – сделать несколько компрометирующих снимков. А без таких снимков его работа не может считаться успешно выполненной...

Оглядевшись по сторонам, Куликов увидел на соседнем участке недостроенный двухэтажный дом, возле которого суетились смуглые гастарбайтеры под руководством крепкого приземистого прораба. У задней стены дома стояла прислоненная лестница, по которой можно было попасть на второй этаж.

Оставив машину в сторонке, дядя Вася незаметно пробрался на соседний участок. Рабочие были заняты собственными делами и не заметили, как пожилой детектив вскарабкался по приставленной лестнице и пролез в окно второго этажа. Оттуда тот дом, куда приехал Бабочкин, был виден как на ладони.

И вот теперь Василий Макарович наблюдал за своим «объектом» через сильный цейсовский бинокль и время от времени делал такие нужные ему фотографии.

На его счастье, окна в соседнем доме оказались большие, почти до самого пола, и хозяйка не задергивала шторы – видимо, она любила дневной свет и считала, что высокий глухой забор закрывает ее дом от всех любопытных глаз.

Бабочкин и встретившая его женщина прошли через холл и оказались в большой комнате перед уютно горящим камином. Михаил устроился в глубоком кресле. Хозяйка удалилась и

через несколько минут вернулась с подносом, на котором стояла большая чашка кофе и тарелка домашнего печенья.

Василий Макарович сглотнул слюну: он здорово проголодался, а кроме того, озяб в неотапливаемом доме.

Он сфотографировал Бабочкина с чашкой кофе в руке, затем снял блаженное выражение, с которым Михаил пробовал рассыпчатое домашнее печенье...

Вряд ли эти снимки сочли бы компрометирующими, но лучше такие, чем никаких... и, в конце концов, это может быть прелюдией к сексу.

Сделав еще несколько фотографий, Василий Макарович почувствовал пронизывающий холод. Он достал из кармана предусмотрительно захваченную фляжку с коньяком и отпил из нее приличный глоток, с завистью глядя на Бабочкина, уютно расположившегося перед пылающим камином.

В такие моменты он подумывал – не зря ли организовал свое детективное агентство и стоят ли скромные гонорары детектива всех тех неудобств и мучений, которые ему приходится переносить.

Тем временем хозяйка накрыла стол. Посредине стола она поставила фарфоровую супницу, в которой дымился борщ, рядом пристроила утятницу. Бабочкин переместился за стол, повязал салфетку и приступил к трапезе.

Даже через окно Василий Макарович видел, какой наваристый и ароматный борщ в тарелке у бизнесмена, и желудок его скрутил голодный спазм. А когда Бабочкин управился с первым блюдом и заботливая хозяйка положила ему на тарелку огромную порцию утки с капустой и яблоками, несчастный детектив завистливо застонал, сглотнув голодную слюну.

Бабочкин быстро управился с обедом и улегся на широкий кожаный диван.

Василий Макарович решил, что теперь-то хозяйка присоединится к гостю и наконец получится сделать настоящие компрометирующие снимки...

Но женщина заботливо накрыла Бабочкина клетчатым шерстяным пледом, а сама устроилась в кресле с вязанием. Никакой секс в программу не входил.

Тем временем возле того недостроенного дома, где прятался Василий Макарович, возникло какое-то оживление. Прораб с кем-то поговорил по мобильному телефону и созвал свою команду трудолюбивых детей гор и степей.

– Хозяин распорядился срочно переходить на другой объект! – объявил прораб своим подопечным. – Живо собирайте инструменты – и по машинам!

Дисциплинированные гастарбайтеры послушно сложили инструменты в микроавтобус, и через несколько минут стройплощадка опустела.

То есть не совсем опустела: дядя Вася увидел, как на смену отбывшим таджикам пришел шустрый дедок-сторож с двумя крупными кавказскими овчарками.

Василий Макарович еще раз взглянул в окно соседнего дома.

Бабочкин спал сном праведника, хозяйка вязала, сидя в кресле, оберегая его сон.

Дядя Вася смотрел на «объект» с нескрываемой завистью: Михаил Бабочкин спал в тепле и уюте после вкусного и сытного обеда, а он, дядя Вася, мерз в чужом недостроенном доме, и под ложечкой у него мучительно тянуло от голода...

Бабочкин крепко спал, и никаких компрометирующих снимков не предвиделось. Так зачем же здесь мерзнуть? Чего ждать? Зарабатывать бронхит, а то и двустороннее воспаление легких? Нет, пора отправляться восвояси!

Придя к такому разумному решению, Василий Макарович подошел к тому окну, через которое час назад проник на свой наблюдательный пункт...

И здесь его ждало ужасное разочарование: та приставная лестница, по которой он поднялся на второй этаж недостроя, бесследно исчезла. Судя по всему, рабочие увезли ее на другой объект, куда их срочно перевел хозяин.

Внутренняя лестница в доме пока отсутствовала, так что дядя Вася оказался буквально в безвыходном положении.

Но он не был бы частным детективом, не был бы ветераном милиции, то есть не был бы самым собой, если бы его могла остановить такая малость, как отсутствие лестницы! Дядя Вася придерживался того мнения, что препятствия только для того и существуют, чтобы их преодолевать, а голова для того дана частному детективу, чтобы находить выход из самого безнадежного положения!

Он огляделся по сторонам и увидел сваленные грудой в углу пустые мешки из-под какой-то строительной смеси.

Василий Макарович связал эти мешки друг с другом (он прекрасно умел вязать морские узлы), и через несколько минут у него получилась отличная веревочная лестница. Закрепив один ее конец за прочную потолочную балку, дядя Вася сбросил второй в окно и начал медленно спускаться.

Он был не в самой лучшей спортивной форме (давали себя знать возраст, а также сидячий образ жизни после выхода на пенсию), поэтому спуск проходил медленно. Однако до земли оставалось уже совсем недалеко, когда Василий Макарович услышал внизу какие-то весьма подозрительные звуки.

До сих пор он не смотрел вниз, поскольку с детства боялся высоты, но теперь это было необходимо...

Дядя Вася опустил глаза.

Прямо под ним на промерзшей земле сидели две огромные овчарки и терпеливо ждали, когда он к ним спустится. Овчарки не лаяли, не рычали, даже не скалили клыки – они только шумно дышали и облизывались, предвкушая обед.

Встретившись взглядом с дядей Васей, одна из собак широко открыла пасть, продемонстрировав полный набор огромных желтых зубов, и издала низкий рокочущий звук наподобие японского гоночного мотоцикла.

Хотя, как уже говорилось, Василий Макарович находился не в лучшей спортивной форме, больше того, после выхода на пенсию он заметно прибавил в весе, но ужасный звук и самый вид овчарок придали ему небывалые силы, так что он в считанные секунды взобрался по самодельной веревке наверх и нырнул в окно второго этажа. Весьма вероятно, что при этом он поставил мировой рекорд, по крайней мере, в своей возрастной категории, однако его рекорд никто не мог зафиксировать, разве что овчарки.

Василий Макарович, тяжело дыша, стоял возле окна и смотрел вниз, на собак. Они выглядели разочарованными, но не отчаявшимися: конечно, обед от них убежал, но это только вопрос времени: никуда он не денется, рано или поздно ему придется спуститься, если не хочет замерзнуть насмерть...

Вот теперь Василий Макарович понял, что действительно влип, и влип по самые уши.

Если он попытается спуститься – его разорвут собаки, если останется наверху – умрет от холода...

Правда, ему приходилось где-то читать, что смерть от холода – самая милосердная: человек просто засыпает, а потом случайные путники находят его окоченевший труп... В его случае ими окажутся brave таджикские гастарбайтеры, но суть дела от этого несколько не меняется. Однако пока холод причинял ему ужасные мучения, а еще к нему добавлялись муки голода.

Дядя Вася еще немного помучился, а потом решил, что ничего не остается, как вызвать подмогу. Причем сделать это так, чтобы не потерять лица...

Первым делом он набрал номер своей верной помощницы Василисы. Однако у той, как назло, оказался выключен телефон. Вот так всегда – когда она нужна ему, до нее невозможно дозвониться...

Тогда он решился на крайнюю меру, а именно – позвонить заказчице, жене Бабочкина Алисе. Конечно, звать заказчицу на помощь – последнее дело, но ведь все можно подать под нужным соусом. В конце концов, он застал ее мужа в доме посторонней женщины, а что они не занимаются ничем предосудительным – так это уже дело десятое, он не виноват...

Набрав ее номер, Василий Макарович проговорил несколько запинаящимся голосом:

– При-при-приезжайте срo-срoчно!..

– Это кто?! – недовольно отозвалась Алиса. – Я сейчас не могу разговаривать! Я у косметолога! Мне делают коралловый пилинг!

– Э-это я, де-де-детектив! Срo-срoчно...

– Что вы блеете? – проворчала Алиса. – Нормально говорить не можете?

Дядя Вася взял себя в руки и вполне отчетливо произнес:

– Это я, детектив Куликов! Это я от холода так запинаясь! Приезжайте немедленно...

– Что случилось? – раздраженно фыркнула женщина, как кошка, которой наступили на хвост. – Говорят же – я у косметолога! Неужели нельзя выбрать другое время?..

– Я его застал! – нетерпеливо перебил ее Василий Макарович. – У женщины!

– Еду! – коротко отозвалась Алиса. Она выслушала адрес и отключилась.

Пытаясь согреться, Василий Макарович ходил взад-вперед по своей ледяной тюрьме. Он время от времени поглядывал на часы и мечтал только об одном – чтобы Алиса не попала в пробку.

О влюбленных говорят, что они летят на крыльях любви. Алиса Бабочкина, должно быть, летела на крыльях ревности и добралась до загородного дома соперницы за рекордное время. Не заглушив мотор, она выскочила из машины и закричала:

– Где?!

– Я здесь! – отозвался Василий Макарович, высунувшись из окна. – Я здесь! Скорее!

– При чем тут вы? – раздраженно воскликнула Алиса. – Где этот козел? Где мой муж?

– Вон там... в том доме... – ответил дядя Вася упавшим голосом. Он понял, что его спасение не рассматривается в повестке дня.

Действительно, Алиса в ту же секунду выбросила замерзающего детектива из головы и бросилась на штурм гнезда разврата – то есть соседнего дома, где мирно спал под теплым пледом ее ничего не подозревающий муж.

Ворота распахнулись каким-то чудом.

Алиса стремительно взбежала на крыльцо, толкнула дверь... дверь была не заперта, и разъяренная особа ворвалась в холл, а оттуда, ведомая внутренним голосом, – в просторную комнату, где уютно пылал камин и хозяйка вязала шерстяной носок, оберегая безмятежный сон Михаила Бабочкина.

– Ты?! – завопила Алиса, увидев хозяйку. – Так это ты воду мутишь, старая ведьма!

Ее крик разбудил бы и мертвого. Тем более он разбудил вполне живого Бабочкина. Михаил сел, протирая глаза, и удивленно уставился на Алису.

– Приснится же такое... – пробормотал он сонным голосом и хотел снова завалиться на диван, но Алиса, бросив на него испепеляющий взгляд, проговорила сквозь зубы:

– С тобой будет отдельный разговор!

– Алисочка, это ты? – проблеял Бабочкин, окончательно проснувшись и начиная осознавать масштабы катастрофы. – А что... что ты здесь делаешь?

– Навожу порядок в своей семье! – резко бросила ему жена и устремила в атаку на хозяйку дома. Та, однако, успела прийти в себя и отступила к пылающему камину, выставив перед собой вязальную спицу, как шпагу.

Осознав, что прямая атака на вооруженного противника может быть опасной, Алиса отступила, оглядываясь в поисках подходящего оружия. Одновременно с этими поисками она проводила психологическую подготовку.

– Ты, старая кошелка! – шипела она, с ненавистью глядя на соперницу. – Тебе не о мужчинах, тебе уже о душе пора подумать! Тебе пора местечко на кладбище подыскивать!

– Не тебе бы о душе говорить! – огрызнулась хозяйка дома. – У тебя ее никогда не было!

– А это с моей внешностью совершенно не нужно! – парировала Алиса. – Ты лучше скажи – давно на пенсию вышла? И сколько тебе начислили?

– Не твое дело! – обиделась хозяйка.

– И правда, меня это нисколько не интересует... – нараспев протянула Алиса. – Мне ведь до пенсии еще лет тридцать...

– Все врешь!

– А правда, что пенсионерам бесплатный проезд в общественном транспорте положен? – с невинным видом осведомилась Алиса. – И в электричке льгота?

– Ты все равно до пенсии не доживешь!

– И до чего же у некоторых к старости характер портится, это просто уму непостижимо... – Алиса сделала обманное движение, но хозяйка снова отпугнула ее спицей. – И главное, чего тебе надо? – не унималась Алиса. – Дом тебе Миша при разводе оставил, пенсию ты получаешь – живи себе, вяжи носочки! Нет, пытаешься у меня мужа отбить!

– Это ты его у меня отбила, а удержать не можешь! Совсем мужика замучила, неудивительно, что он ко мне ходит, чтобы от тебя хоть немножко отдохнуть!

– Ах ты, зараза старая! – Алиса подскочила к камину и выхватила из подставки кованую кочергу. Вооружившись таким образом, она снова перешла в атаку, и поначалу ей сопутствовал успех: ловким ударом Алиса выбила из руки хозяйки дома тонкую спицу. Хозяйка отступила, но не сдалась – она схватила тяжелые каминные щипцы и отбила ими очередной выпад.

Женщины сражались, как мушкетеры с гвардейцами кардинала в старом французском фильме, щипцы и кочерга скрещивались с оглушительным звоном, а Михаил Бабочкин с ужасом смотрел на их поединок.

Дело в том, что в последнее время Алиса очень утомила его своей светской активностью, кроме того, она строго следила за тем, чтобы муж поддерживал спортивную форму и соблюдал диету. Однако хуже всего было то, что молодая жена не понимала его душевных запросов, ей требовались от мужа только деньги...

Измученный диетой и тусовками, Бабочкин с грустью вспоминал свою первую жену Варвару, которую он оставил ради молодой красотки. Как-то он встретил Варвару на автозаправке, пожаловался на усталость и одиночество...

Варвара пожалела его, пригласила домой, накормила простым сытным обедом. С тех пор так и повелось – Бабочкин отправлялся на сеанс к психотерапевту, выходил из кабинета через запасной выход и отправлялся к Варваре. Здесь он отдыхал душой и телом и после, посвежевший и помолодевший, возвращался в лоно семьи.

Но теперь Алиса выследила его, и на сеансах психотерапии можно было поставить крест...

Михаил представил себе, что снова начнутся непрерывные тусовки и светские мероприятия, жена будет мучить его диетой, морить голодом, гонять на тренажеры... прощайте, борщи и рассольники! Прощайте, домашние котлетки и утка с яблоками! Прощайте, румяные пирожки и рассыпчатое домашнее печенье! А уж о том, чтобы прилечь после обеда, нельзя будет даже помыслить!

И тут с Михаилом что-то произошло. Он вскочил с дивана, бросился вперед, встал между своими женами, фехтующими каминными принадлежностями, и воскликнул голосом трагического актера в роли короля Лира:

– Прочь, недостойная! Ты мне осточертела!

– Что?! – Алиса смерила взбунтовавшегося мужа презрительным взглядом. Она не верила, что он это всерьез. – Что?! – повторила она, взвесив на руке кочергу.

– Что слышала! – ответил муж нормальным голосом. – Иди ты... знаешь куда?

– Куда? – переспросила Алиса, чувствуя, как земля уходит у нее из-под ног.

– В фитнес-центр! – припечатал Бабочкин, отнял у обессиленной жены кочергу и подтолкнул ее к выходу. – Мой адвокат тебя там найдет!

Василий Макарович окончательно замерз. Он смотрел на окна соседнего дома, но видел только мелькающие тени. Кажется, там проходил урок фехтования, только шпаги использовались какие-то странные. Вдруг дверь дома распахнулась, на порог вылетела Алиса.

Но она была совершенно на себя не похожа!

Всегда аккуратно уложенные волосы всклокочены, как пакля на голове огородного пугала. Лицо, чудесный цвет которого мог служить рекламой Алисиного косметолога, покрылось красными пятнами нервного румянца, кроме того, оно перекосилось от злости. Норковый полушубок цвета топленого молока, надетый в один рукав, волочился сзади, как хвост побитой собаки...

В общем, Алиса выглядела как человек, потерпевший тяжелое жизненное поражение, как человек, которому нечего терять, потому что он и так потерял все самое дорогое...

Она стремительно пересекла участок, выбежала за ворота и понеслась к своей машине.

Василий Макарович понимал, что сейчас не самый удачный момент для беседы с заказчицей. Однако он понимал и то, что через минуту она уедет, а он останется один на втором этаже недостроенного дома и впереди его ждет только смерть от лютого холода...

Он схватил мобильный телефон, с трудом набрал номер заказчицы непослушными, одеревеневшими от холода пальцами и поднес трубку к уху.

Он боялся, что Алиса в своем теперешнем состоянии просто не услышит звонок или не захочет отвечать. Однако она реагировала мгновенно – видимо, решила, что ее вероломный муж все-таки одумался и готов обсудить условия своей безоговорочной капитуляции и возвращения в лоно законной семьи...

– Передумал?! – выкрикнула в трубку Алиса. – Решил послать подальше эту старую калошу?! Так вот, дорогой мой, я еще подумаю, принять тебя или не принимать! Это *мой* адвокат с тобой свяжется! Что молчишь?

– Я не молчу... – прохрипел Василий Макарович, с трудом разлепив смерзшиеся губы. – Я хочу...

– Это еще кто?... – удивленно переспросила Алиса.

– Это Куликов... частный детектив Куликов... это я вам звонил...

– Ах, это вы?! – процедила Алиса голосом, не предвещающим ничего хорошего. – И чего вы от меня хотите?

– Ну, во-первых, вы со мной еще не рассчитались... – начал дядя Вася, а потом хотел рассказать клиентке о своем бедственном положении и попросить у нее помощи. Однако Алиса не дала ему договорить.

– И ты, старый козел, чего-то еще хочешь? – завопила она так громко, что Василий Макарович отодвинул телефон от уха, чтобы не оглохнуть. – И у тебя хватает совести мне звонить?

– А в чем дело? – прохрипел дядя Вася. – Ведь я выполнил ваше поручение... я сделал все, что вы хотели... выследил вашего мужа, сделал фотографии... кстати, могу их вам передать...

– Можешь их засунуть... сам догадаешься куда или подсказать? – оборвала его клиентка. – Выследил он! Да ты мне всю жизнь сломал! Если бы не ты, я бы жила сейчас спокойно...

– Но ведь вы сами этого хотели! – попытался оправдаться Василий Макарович. – Ведь вы меня именно для этого наняли!..

– Я тебя наняла, чтобы спасти свой брак, а ты его окончательно разрушил! – отрезала Алиса и отключила телефон.

Ее машина презрительно фыркнула мотором и исчезла в облаке синеватого морозного пара.

Василий Макарович остался один на один с морозной тишиной, один на один с голодом и холодом. У него оставалась одна, самая последняя надежда.

Он снова набрал номер своей доблестной ассистентки.

На этот раз Василиса ответила.

– Приезжай! – прохрипел дядя Вася простуженным голосом.

Мы с Бонни шли по своему обычному маршруту на собачью площадку, расположенную в дальнем конце Васильевского острова, вдоль берега реки Смоленки. И тут впереди появилось чудное видение. Можно сказать, гений чистой красоты. А если проще – наша знакомая собачка Лора породы мастино наполитано. Бонни питал к этой Лоре давнее и очень сильное чувство, и надо сказать, Лора тоже относилась к нему с симпатией. Но мы с Лориной хозяйкой (очень интеллигентная дама, переводчик с португальского) не одобряли романтических чувств наших питомцев. То есть чувства – это еще ладно, а если дело пойдет дальше... Они же разных пород!

В общем, в обычное время мы разрешали им немножко побегать и поиграть, но сейчас у Лоры настал необычный момент, проще говоря – она была в интересном для Бонни состоянии, поэтому их следовало держать друг от друга подальше.

Бонни, увидев Лору в конце переулка, заволновался, издал низкое утробное рычание и встал в третью позицию. Бордоский дог в третьей позиции – это зрелище не для слабонервных, к тому же я знала, что за этим последует, и постаралась принять меры. А именно – покрепче ухватила за поводок и уперлась ногами в землю, готовясь к любимому развлечению Бонни – «перетягиванию каната».

Лорина хозяйка Альбина Николаевна переглянулась со мной и поволокла свою красотку в соседний переулок. Лора была этим явно недовольна, но в критические дни ее охватывают меланхолия и светлая печаль, поэтому она подчинилась хозяйке и побрела в туманную даль, вяло переступая ногами. Зато Бонни исполнился сил и энергии. Увидев, что дама его мечты удаляется, он ринулся вслед за ней.

Первый рывок я кое-как выдержала (поскольку была к нему готова), но силы у нас явно не равны, и через несколько секунд Бонни преодолел мое сопротивление и понесся вслед за Лорой, волоча меня за собой, как пустую консервную банку. К счастью, по дороге попала скамья. Я ухватила за нее свободной рукой и попыталась зацепить поводок за кованую спинку скамьи.

И в этот момент у меня в сумочке надрывно зазвонил мобильный телефон.

– Чтоб тебя черти разорвали! – выкрикнула я в сердцах, имея в виду то ли Бонни, то ли того, кто звонит в такой неподходящий момент, то ли их обоих вместе.

Однако в следующий миг мне удалось довольно надежно закрепить поводок, я перевела дыхание и усовестилась – вдруг это важный, судьбоносный звонок?

Достав телефон из сумки, я открыла его и поднесла к уху.

Из трубки неслись какие-то хриплые, каркающие, совершенно неразборчивые звуки.

– Кто это? – проворчала я недовольно. – Прекратите хулиганить! Немедленно перестаньте мучить птицу!

Тут я окончательно пришла в себя и догадалась посмотреть на дисплей.

На нем высветилось имя дяди Васи.

– Дядя Вася, это вы? – спросила я недоверчиво. Кого-кого, а своего учителя и наставника я не подозревала в склонности к телефонному хулиганству!

– Кар-кар-пур-пур-пур... – донеслось из трубки.

– Что вы говорите? – переспросила я удивленно. – Да что с вами случилось?

В трубке раздался чахоточный кашель, а потом совершенно незнакомый голос с трудом выговорил:

– Приезжай... приезжай скорее...

– Да это точно вы?

– Вот досталась помощница! – прохрипело в трубке. – Угораздило же меня связаться с такой балбеской!

Да, это, несомненно, он, мой непосредственный начальник. Только он может быть так вежлив и предупредителен с женщиной, мало того – со своим единственным преданным сотрудником!

– Куда приезжать? – осведомилась я деловым тоном.

Сквозь кашель и хрип он довольно внятно продиктовал мне адрес, и в трубке раздались сигналы отбоя.

В это время скамья, к которой я привязала поводок, начала подозрительно раскачиваться. И это притом, что она стояла на массивном бетонном основании! Нет, влюбленный бордоский дог – страшная сила!

Но я тоже не лыком шита!

– Бонни! – рявкнула я хорошо отработанным командным голосом. – Сейчас же прекрати изображать сексуального маньяка! У нас срочная работа! Если ты не возьмешь себя в руки... то есть в лапы, я поеду на операцию одна!

Это на него действовало: мой Бонни, при всех его недостатках, очень обо мне заботится и считает своим долгом сопровождать меня на каждую серьезную операцию. Как и дядя Вася, он считает меня легкомысленной и безответственной особой и не сомневается, что без его присмотра я непременно попаду в беду. Кроме того, Лора уже успела скрыться за углом, а как известно, с глаз долой – из сердца вон. На собак эта человеческая пословица тоже распространяется. Короче, мой темпераментный красавец тяжело вздохнул, успокоился и подошел ко мне с самым невинным и послушным видом.

Уверившись, что меня не ждут новые сюрпризы, я отвязала Бонни от скамейки. Проблема была только в одном: теперь его действительно придется взять с собой, иначе он никогда не простит мне такого обмана! Кроме того, дядя Вася ясно дал мне понять, что находится в критическом состоянии и каждая минута промедления приближает его к неминуемой кончине, так что у меня просто не оставалось времени, чтобы отвести Бонни домой.

Но это сразу создавало новую проблему: чтобы добраться до того места, где находится дядя Вася, мне придется поймать машину, а с таким колоритным спутником, как Бонни, это становится почти невыполнимым. Редкий таксист согласится впустить клыкастое чудовище в свой автомобиль.

На всякий случай я замахала проезжающему «жигулю», но, как я и думала, он только прибавил скорость и исчез за поворотом. То же самое случилось и со стареньким «опелем».

– Вот видишь, Бонни, нас с тобой никто не хочет везти! – сообщила я своему питомцу. – Так что, хочешь или не хочешь, придется тебе подождать меня дома!

Бонни возмущенно взглянул на меня, и внутри его огромного организма раздалось глухое грозное ворчанье. Тем самым он давал мне понять, что наши планы в корне расходятся.

Положение становилось безвыходным.

Конечно, можно было применить известную тактическую уловку – Бонни прячется за углом, я останавливаю машину, а уже потом появляется он... но опытный водитель может в этот момент резко стартовать, и все придется начинать сначала.

Но, как говорят, самая темная ночь – перед рассветом. И в тот момент, когда я почти отчаялась, возле нас остановился черный джип, на борту которого была нарисована выходящая из тростников охотничья собака с уткой в зубах.

– Что, не берет никто? – сочувственно спросил, выглядывая в окошко, крепкий бравый мужичок с обветренным лицом и короткой шкиперской бородкой. – Понятное дело – не все собак любят, особенно таких больших! Садитесь!

– Только нам за город нужно, на Выборгское шоссе...

– Вот и отлично, я как раз в ту сторону еду, на дачу!

Он открыл заднюю дверцу своего джипа. Позади сидений оказался просторный грузовой отсек, застеленный старым байковым одеялом. Бонни заволновался и негромко зарычал: от одеяла шел отчетливый запах собачьей шерсти.

– Я здесь свою собаку вожу, – пояснил хозяин джипа. – У меня маламут...

– Солидный зверь! – проговорила я с уважением.

– Маламут – собака северная, ездовая, ему в городе жарко и тесно, вот я и живу большую часть года на даче. Вот и сейчас он там, с женой, а я с работы еду...

– У меня есть знакомый маламут, очень красивая собака!

– Мы, владельцы больших собак, должны поддерживать друг друга! – заявил водитель.

Бонни удобно устроился позади, я села рядом с хозяином машины, и мы поехали через Петроградскую сторону на север.

На наше счастье, пробок не оказалось, и через полчаса мы уже выехали на Выборгское шоссе и вскоре остановились возле того дома, о котором говорил по телефону дядя Вася.

– А вы ничего не перепутали? – удивился водитель, увидев недостроенный дом.

– Нет-нет, все в порядке! – успокоила я его. – Большое спасибо! Дальше мы сами!

Мы с Бонни выбрались из машины, дождались, когда джип скроется за поворотом, и направились к участку.

Тут же на краю участка возникли две огромные кавказские овчарки. Увидев нас с Бонни, они немного притормозили.

Бонни оживился. Он встал в боевую позу, оскалился и издал низкое предупредительное рычание. Овчарки ответили ему тем же. В общем, у них намечалась плодотворная дискуссия.

– Ну вы тут пока пообщайтесь, я скоро вернусь! – Я помахала Бонни и проскользнула к дому. Собаки на меня не обратили никакого внимания – они были заняты более важным делом.

Подойдя к крыльцу, я окликнула дядю Васю.

В окне второго этажа что-то зашевелилось и показалось бледное, несчастное лицо моего наставника.

– Это ты, Василиса? – прохрипел он незнакомым голосом.

– Нет, это съемочная группа телепрограммы «Алло, мы ищем таланты!».

– Что ты болтаешь? – обиделся он.

– Не задавайте глупых вопросов – не получите глупых ответов! Ну что, мне к вам подниматься или вы сами спуститесь? Вам там так понравилось, что не хочется покидать этот гостеприимный дом?

– Да я бы спустился, только там собаки...

– Этот вопрос решен. – Я покосилась на край участка, откуда доносилось рычание на три голоса. – Только давайте скорее, а то у Бонни возникнут проблемы!

Из окна свесилась самодельная веревочная лестница, и по ней, кряхтя и стеноя, спустился Василий Макарович. Впрочем, его было очень трудно узнать – бледный, замерзший, он весь трясся и хрипел, как допотопный патефон.

Я подставила ему свое плечо, он навалился на меня всем весом и заковылял прочь с участка. Причем, что интересно, по веревочной лестнице он слез довольно ловко, а ведь это

куда труднее, чем ходить по земле! Просто, как все мужчины, он очень любит изображать беспомощного инвалида, если есть перед кем.

Мы выбрались на дорогу, и я окликнула Бонни.

Он все еще переругивался с овчарками, причем, если я правильно понимаю по-собачьи, уже дошло до самой серьезной перепалки. Однако, когда я его позвала, Бонни довольно жизнерадостно гавкнул, что в переводе значило «приятно было познакомиться», и потрусил к дяди-Васиной машине, припаркованной в сотне метров от дома.

Овчарки тоже пролаяли что-то приветливое и вернулись к исполнению своих обязанностей. Как я понимаю, они с Бонни прониклись взаимным уважением и вовсе не собирались переходить к настоящей драке.

Дядя Вася сел на водительское место и включил зажигание. Он все еще трясся от холода, поэтому, прежде чем ехать, ему пришлось включить в машине печку, чтобы хоть немного согреться.

– Ну что, – осведомилась я, когда его зубы перестали стучать. – По вашему жизнерадостному внешнему виду я понимаю, что с делом вышел полный облом?

– Вот нет у тебя, Василиса, настоящей деликатности! – прохрипел в ответ дядя Вася. – Видишь, что человеку плохо... нет бы промолчать! Так обязательно надо по больному... ну, облом! Хорошо хоть, аванс я с нее успел получить. Правда, маленький...

Мне оставалось только тяжело вздохнуть: при всех достоинствах дядя Вася – человек совершенно не деловой и во всем, что касается денег, за ним необходим присмотр. Так и в этом случае – я знала, что аванс, который он взял с клиентки, едва покрывал наши накладные расходы, так что финансовое положение нашего агентства было хуже некуда...

– Унеси это! – Дядя Вася отворачивал хмурое лицо и отталкивал двумя руками тарелку с кашей.

– Дядя Васечка, ну надо кушать кашку, – заговорила я ласково и терпеливо, – тогда быстрее поправитесь...

– Я от такой бурды скорее загнусь!

– И вовсе не бурда, – я сделала вид, что обиделась, – хорошая каша, геркулесовая, на молоке и с сахаром, всем больным дают... Ну, давайте ложечку...

– Еще скажи – за маму, за папу! – буркнул дядя Вася, сдаваясь и открывая рот.

И правильно сделал, потому что я уже приближалась к мысли надеть ему тарелку с кашей на голову. Единственное, что меня останавливало, – самой же придется менять белье и все это стирать.

После того случая, когда мой несчастный партнер Василий Макарович просидел полдня на неотопливаемом втором этаже строящегося дома, он жутко простудился. Со всеми вытекающими отсюда последствиями – насморком, кашлем и высокой температурой.

Как я уже неоднократно упоминала, дядя Вася – мужчина небалованный. Характер у него спокойный, за длинную свою жизнь и почти тридцать лет работы в милиции повидал он всякого и привык к лишениям. И болел дядя Вася вполне достойно – не капризничал, не паниковал, спокойно принимал лекарства, только все время пил то воду, то чай с лимоном, то клюквенный морс. Хоть и приходилось ему несладко – температура-то высокая.

Разумеется, я на время переселилась к нему – не могла же я бросить тяжело больного человека на произвол судьбы! А если ночью ему станет хуже?

Дядя Вася не спорил – у него для этого просто не оставалось сил. Пришлось и Бонни с собой взять: я ведь говорила уже, что бордоский дог, весом больше шестидесяти килограммов и размерами напоминающий бабушкин комод, ведет себя иногда как маленький ребенок – боится надолго оставаться один и любит забираться на ручки. На моих коленях помещается только лобастая голова, а с дядей Васей у него такой номер вообще не проходит.

Бонни проникся серьезностью момента и вел себя вполне прилично – дремал в соседней комнате и не пытался играть со мной в шумные игры.

Так прошла неделя, после чего дяде Васе стало лучше. И вот тут-то и начались капризы. То ему невкусно, то пересолено, то подгорело (все неправда!). То он хочет апельсинового сока, то какао, то кофе с молоком. То блинчиков с творогом, то оладий с медом, то пирога с капустой.

Слушайте, ну забегалась я совсем! И самое главное – я ведь понимаю, что ничего странного в этом нет, все мужчины ужасно капризны, а уж если заболеют, то становятся и вовсе невозможны. Но чтобы скромный дядя Вася так распоясался... В общем, я была на пределе.

Дядя Вася дал себя уговорить и даже самостоятельно съел несколько ложек каши, пока я держала перед ним тарелку, как покорная рабыня. После того как установилась нормальная температура, он чувствовал сильную слабость и принимал пищу в комнате на диване, одетый в новый спортивный костюм и прикрытый шерстяным пледом.

– Чаю дай, – хрипло сказал он, отставляя тарелку, – каша эта твоя комом в горле стоит...

«Спокойно, – сказала я себе, – это твой компаньон и друг. И на сегодняшний день самый близкий тебе человек. И если бы ты заболела, он ухаживал бы за тобой так же преданно и верно».

«Да, но я-то не вела бы себя так ужасно!» – тут же возразила я себе.

Впрочем, кто знает?

Я поставила тарелку на стол и пошла на кухню, столкнувшись по дороге с Бонни, который соскучился и явился нас проведать. Через десять минут я явилась в комнату с подносом, на котором стояли большая чашка с горячим крепким чаем, блюдечко с аккуратно нарезанным лимоном, розетка с брусничным вареньем, баночка с медом, свежая булочка, разрезанная вдоль и густо намазанная маслом, и еще два куса вчерашнего кекса.

Я понятия не имела, чего захочет мой больной к чаю, поэтому положила на поднос все, что было в доме, чтобы два раза на кухню не ходить, а то уже ноги отваливаются от этой беготни!

Дядя Вася лежал на диване, утомленно прикрыв глаза, а Бонни как раз доедал кашу с его тарелки. Она-то стояла на столе, а при своих размерах мой Бонни спокойно может взять со стола зубами все, что ему нужно!

– Ах ты, паршивец!

От моего крика дядя Вася открыл глаза и обидчиво заморгал:

– У больного отнимаете...

– Вот, я же говорила, что каша вкусная, а вы есть не хотели. Бонни, обжора несчастный, пошел вон!

Бонни на мои слова не отреагировал, а улегся возле дивана, так что мне с подносом было его не перешагнуть.

– Бонечка, – растрогался дядя Вася, – один ты меня любишь...

Та-ак... Я почувствовала сильнейшее желание бросить поднос на пол, развернуться на пятках и немедленно уйти из этой квартиры. Если не навсегда, то надолго. А они пускай тут сами разбираются. Если Бонни так любит дядю Васю, то пусть подает ему чай и бежит в аптеку.

И в это время зазвонил телефон.

– Не подходи, – сказал дядя Вася, – это, наверное, по делу, а я не могу сейчас...

Телефон звонил и звонил. Я поставила поднос на стол, показала Бонни кулак и сняла трубку.

– Я болен, – повторил дядя Вася и закашлялся.

– Слушаю вас! – сказала я в трубку приветливо-официальным голосом.

– Это частный детектив Куликов? – спросил на том конце неуверенный женский голос.

Ну, все ясно, снова какая-то тетка хочет вывести своего муженька на чистую воду!

- Это его секретарь, – ответила я отстраненно-любезно, – чем могу вам помочь?
- Нужно мне к детективу, – вздохнула тетя, – скорее бы...
- Минуточку... – Я скосила глаза на диван.

Дядя Вася щедро намазал булочку медом и запивал ее сладким чаем. На лице у него отражалось неземное блаженство. Кстати, мой больной самостоятельно встал с дивана и уселся за стол. Со стула не упал, чай не пролил, оттого что руки тряслись, и булочку мимо рта не пронес. Бонни доедал кекс, причем ужасно крошил на пол. Это послужило последней каплей.

- Приезжайте через час, – сказала я в трубку, – Василий Макарович вас примет.

И продиктовала адрес, стараясь не глядеть на дядю Васю.

– Василиса, ты что – рехнулась? – возопил он, как только я повесила трубку. – Какая может быть работа, когда я с постели не встаю?

Я молчала.

- Кто там? – в голосе дяди Васи появилась некоторая заинтересованность.

– Женщина, – вздохнула я.

– Опять? – Дядя Вася застонал и плюхнулся на диван. – Снова за мужем следить? Мне и прошлого раза хватило...

Бонни доел кекс и теперь вылизывал пол.

– Вот что, – медленно проговорила я, спрятав руки за спину, чтобы не отлупить Бонни чем придется, – сейчас вы оденетесь, побреетесь и примете клиента. И без разговоров, время дорого!

- Да не могу я, – заныл дядя Вася.

– Можете! – припечатала я. – Сами же говорили, что денег нет и за квартиру два месяца не плачено!

- Один месяц, – сверкнул глазами мой партнер.

- Без разницы, – я все же умудрилась оставить за собой последнее слово.

Дядя Вася тяжело вздохнул, совсем как Бонни, когда ему не дают смотреть телевизор, потом встал с дивана и покачнулся. Причем не напоказ, а просто от слабости.

– Дядя Васечка, – я мгновенно оттаяла, – ну посидите, поговорите с клиенткой, отвлекитесь от своих болезней. А если возьмем ее дело, то я могу пока предварительную разведку провести, осмотреться. А там и вы поправитесь...

За разговором я незаметно вытеснила дядю Васю в ванную, а Бонни – в прихожую, сама же заметалась по комнате, приводя ее в порядок. Через некоторое время комната ничем не напоминала больничную палату в глубокой провинции.

Дядя Вася вышел из ванной выбритый и переодетый в чистую рубашку. Я достала из шкафа шерстяной джемпер на пуговицах, связанный еще его покойной женой. Домовитая была женщина, что и говорить!

Только мы успели втащить Бонни в другую комнату и запереть там на ключ, как в дверь позвонили.

Открыв дверь, я тут же пожалела, что сорвала дядю Васю с дивана. Лежал бы себе, болел потихоньку. Потому что никакого дела у нас не предвидится.

На пороге стояла худая изможденная тетя пожилых лет, одетая в грязно-серое синтетическое пальто. На рыбьем меху, как говорила моя бабушка. В руках у тети была потертая сумка из козлама, на голове – жуткая вязаная шапка с козырьком.

Разумнее всего было бы счесть, что визитерша ошиблась дверью. Но что-то подсказывало мне, что это слишком простое решение вопроса.

- Мне к детективу Куликову. – Женщина с трудом разомкнула бледные губы.

– Проходите, пожалуйста, – я сделала над собой усилие и улыбнулась, – пальто можете вот здесь повесить.

В глазах дяди Васи я прочла все, что он обо мне думает, и еще много разных мыслей. Женщина села в кресло для посетителей и опустила глаза, теребя застежку на сумке. Пальто она сняла, под ним оказался костюм, выпущенный нашей легкой промышленностью лет примерно тридцать назад, может, и больше. Кажется, такой материал назывался джерси.

Вот все-таки умели шить вещи в семидесятые годы прошлого века! Костюм не то чтобы выглядел как новый, но не выгорел, не вытянулся на локтях и не застирался. Впрочем, возможно, тетя надевала его только «на выход», то есть считанные разы, и все это время он благополучно провисел у нее в двустворчатом платяном шкафу, густо пересыпанный средством от моли.

– Слушаем вас! – нарушила я затянувшееся молчание, заметив краем глаза, что дядя Вася потихоньку закипает.

Ладно, что бы там он ни сказал мне потом, все же тетю надо выслушать. Да и спроводить поскорее отсюда. Потому что клиенткой нашей она не может быть по определению – в таком-то прикиде. И как ее к частному детективу занесло...

Наша гостя откашлялась, оставила наконец в покое свою много пережившую сумку и закутала плечи белым пуховым платком. По комнате тут же закружились шерстинки, одна из них села на нос дяде Васе, и он громко чихнул. Извинился и тут же снова чихнул. Достал из ящика пакет бумажных платков, поглядел на меня укоризненно, высморкался громко. И опять чихнул.

– Ну, понесли черти! – буркнул он и отвернулся.

Наша гостя, однако, ничуть не смутилась. И не шарахнулась в сторону, крича, что если больной, то нечего прием назначать и заразу распространять. Она сидела, глядя перед собой, а потом снова взялась за многострадальную сумку.

– Ну, так что у вас случилось? – я добавила в голос твердости. – Зачем вы к нам пришли?

– У меня племянница пропала! – выпалила тетя.

И снова замолчала, обведя нас круглыми глазами.

Дядя Вася фыркнул. Этот простой звук следовало трактовать очень широко.

«Я так и знал, теткина племянница загуляла, одну ночь дома не ночевала, тетушка впала в панику, обзвонила всех ее друзей и приятелей и теперь вот приперлась к нам. А ты, Василиса, не нашла ничего лучше, чем пустить ее в квартиру. Сказала бы сразу, что детектив Куликов не принимает. Болен он, в отпуске, в командировке, на сложном и ответственном задании!»

– Вы расскажите об этом поподробнее, – я отвернулась от визитерши и поглядела на дядю Васю грозным многозначительным взглядом, – и представьтесь, пожалуйста.

Дядя Вася понял, что я настроена серьезно, и покорился судьбе.

Тетя уселась в кресле поудобнее и начала рассказ.

Ее зовут Татьяна Степановна Наливайко. Всю жизнь прожила она в маленьком городе Острове Новгородской области. Там у них с мужем дом и хозяйство – огород большой, куры и коза. Муж пять лет назад умер, а она стала болеть, так что хозяйство пришлось уменьшить – козу она продала, кур съела, на огороде засадила четыре грядки, а картофельное поле отдала соседу в аренду.

– Вы... ближе к делу... – дядя Вася кашлянул и поглядел на большие настенные часы.

Совершенно ему несвойственно такое поведение! Сам же мне говорил, что каждого человека надобно выслушать внимательно, не перебивать, даже если тебе кажется, что он несет полный вздор. Мало ли что всплывет в разговоре! Опять же, свидетель расслабится и может вспомнить что-то важное.

– К делу уже подошли, – согласилась тетя, – недолго осталось.

В нашем городе у Татьяны Степановны жила родная сестра с племянницей Танечкой. С сестрой они всегда были очень дружны, она и дочку свою назвала в честь ее, Татьяны Степа-

новны. Летом они с мужем девочку к себе брали. А зимой частенько в город погостить ездили. После смерти мужа родные ее очень поддерживали, что и говорить.

А потом сестра умерла, а Таня замуж вышла. Она, Татьяна Степановна, в город не ездила, чтобы молодым не мешать – у них свои интересы, а летом навещала ее Таня одна, и то редко.

А ей становилось все хуже, и вот наконец врачи сказали, что нужна операция. Пришлось Тане звонить. Она, конечно, всполошилась, все организовала, с врачами договорилась, привезла Татьяну Степановну в Петербург, в больницу определила. Операцию сделали удачно, только предупредили, что наблюдаться желательно в той же больнице и через три месяца обязательно снова обследоваться. Ну, Танюша и говорит, что если тебе, тетя Таня, обратно в свой Остров ехать, то там условия тяжелые: воду на себе таскать нужно, дрова колоть, а тебе после операции это никак нельзя. Живи у меня, говорит, пока зима, ничего твоему хозяйству не делается, а за домом соседи присмотрят. И то верно, соседи у Татьяны Степановны хорошие.

В этом месте рассказа дядя Вася снова сделал попытку направить рассказ в деловое русло, но я была начеку и пнула его под столом ногой. Он обиделся буквально до слез и затих. А я рассердилась – ну за что мне такое наказание? Что за капризный партнер у меня!

– Продолжайте, Татьяна Степановна, – сказала я любезно, – мы вас внимательно слушаем.

Тетя повернулась ко мне и с тех пор продолжала рассказ исключительно для меня одной. Дядя Вася недовольно пыхтел и тихонько скрипел зубами.

До того как выписалась из больницы, Татьяна Степановна подробностей про жизнь племянницы не знала. Догадывалась, конечно, что не все у них с мужем ладно, потому что Таня в последнее время про мужа не упоминала. Раньше, бывало, придет к ней в Остров, так только и разговоров, какой Валерик умный да хороший. Намеревалась Татьяна Степановна расспросить племянницу как следует, да только после того, как на поправку пойдет. Когда человек болеет, ему ведь ни до чего дела нет, только бы болезнь превозмочь...

А как привезла ее Танюшка из больницы домой, то и расспрашивать не пришлось, и так все стало ясно: нет у племянницы никакого мужа, в квартире мужским духом и не пахнет. Однако все же спросила Татьяна Степановна: сестра ее, Лида, когда умирала, очень просила Таню не оставлять, она, дескать, доверчивая очень и добрая, всю себя норовит отдать, таким людям в наше время несладко живется.

Долго Таня у нее на плече плакала, рассказывала, как бросил ее Валерик. Подлю так бросил, исподтишка, к подруге ее ушел. Да еще Танюшку во всем и обвинил – ты, дескать, такая-сякая, скучная, необразованная, невоспитанная, с посторонними мужиками кокетничаешь, хвостом вертишь...

– Ну, дело-то житейское, – не выдержала я, – не первая ваша племянница и не последняя, что ж тут скажешь...

– Вот и я ей то же самое сказала! – обрадовалась Татьяна Степановна. – Да только слабое это утешение, сама знаешь...

Вот как она угадала, что я знаю? Написано на мне, что ли? Прямо крупными буквами на лбу: с мужем развелась, потому что изменял, да еще не просто так, а, можно сказать, почти год жил с чужой бабой на глазах у жены! И эта дура жена ничего не замечала!

– Послушайте, женщины, – не выдержал дядя Вася, – может, вы о своем, о девичьем, после побеседуете? Когда же, наконец, мы до сути вопроса дойдем?

– И то верно! – спохватилась Татьяна Степановна. – Простите, что время отнимаю...

Прошла примерно неделя, как Татьяна Степановна у племянницы поселилась. Помогала ей по хозяйству, как могла, да много ли двум женщинам надо?

Танюшки вечно дома нету, работала она продавцом в цветочном магазине, «Виолетта» называется. Работа сменная, по двенадцать часов, выходной скользкий. Платили мало, да еще начальница такая стерва, каких поискать. Но хорошую работу в наше время человеку без

образования никто не гарантирует, как бы и такую не потерять. Танюша уставала очень, но не жаловалась. Ее другое волновало, все обиду свою забыть не могла, на мужа-то. Еще на работе как-то отвлекалась, а дома прямо сама не своя. У нее, Татьяны Степановны, душа изболелась, на племянницу глядячи. Уж так девка маялась, просто жуть брала. Похудела, с лица спала, одни глаза остались.

Уж Татьяна Степановна ей говорила, чтобы выбросила из головы мужика своего непутевого. Мало ли что в жизни бывает? Ну бросил, хорошо еще, что детей нету. Она женщина молодая, привлекательная, проживет как-нибудь и одна. А потом, даст Бог, встретит свою половинку. Ничего не помогало.

«Уж это точно, – подумала я, – когда муж бросит, к разумным словам никто не прислушивается...»

Я тут же себя одернула – не дело это думать о личном, когда на работе находишься. В конце концов, у меня-то все не так плохо – есть Бонни, и дядя Вася вполне приличный человек, когда не болеет, и работа частного детектива мне нравится...

Мои размышления были прерваны жутким грохотом, раздавшимся за стеной. Не иначе Бонни что-то уронил на пол.

– Не обращайтесь внимания, – сказала я насторожившейся посетительнице, – продолжайте. Вы говорили, племянница ваша пропала? Как это случилось?

– Так вот как раз к этому веду! – воскликнула Татьяна Степановна, но слова ее потонули в еще более сильном шуме. В соседней комнате что-то упало и покатилося по полу, а еще был слышен звон, как будто что-то разбилось.

Я вскочила и, с трудом сохраняя на лице любезную улыбку, вышла из комнаты.

Бонни, разумеется, постарался. Он опрокинул старинный комод и своротил с подоконника цветочный горшок и хрустальную вазу, подаренную когда-то родственниками Василию Макаровичу с женой на двадцать лет свадьбы. Дядя Вася прятал ее за занавеской, потому что, как признался мне в доверительной беседе, хрусталь этот он терпеть не мог. Ну что ж, теперь вопрос снимается. Насчет цветка тоже: в горшке давно уже чахнул кактус «Царица ночи». У покойной жены он рос хорошо и даже цвел каждый год, а теперь и я не могла ничего с цветком сделать, очевидно, он тосковал по хозяйке.

– Чудовище! – сказала я. – И как только ты умудрился опрокинуть такой тяжеленный комодище?

Бонни удовлетворенно рыкнул, и я тут же поняла, как ему это удалось. Каким-то образом он сообразил, что одна ножка у комода имеет небольшую трещину. И мой бегемот старательно пинал и пинал несчастную ножку, пока она не подломилась, а ему оставалось только вовремя отскочить в сторонку, чтобы комод не задел его, обрушиваясь на пол.

Пока я ужасалась беспорядку, эта скотина открыла лапой дверь и выскочила в коридор.

– Бонни, стой! – крикнула я, спохватившись, и кинулась за ним вслед, но было уже поздно.

Одним махом преодолев малогабаритную прихожую, Бонни ворвался в комнату, где дядя Вася терпеливо ждал меня в обществе Татьяны Степановны.

Обычно люди реагируют на появление моей собаки неадекватно. Говоря проще, они пугаются и застывают на месте, как древнеримские мраморные изваяния. Такие же неподвижные и такие же бледные. Бонни производит очень сильное впечатление на неподготовленного человека. Глядя на его распахнутую слюнявую пасть размером с дорожный саквояж, никому не приходит в голову даже кричать «Караул!» и «Помогите!».

Татьяна Степановна же с виду осталась совершенно спокойной. А скорей всего, просто не испугалась. Она поглядела на Бонни и улыбнулась:

– Хорош! Ест, наверное, много...

– Уж это точно, – я облегченно перевела дух, – прокормить его трудновато.

Бонни по-хозяйски разлегся на полу, и в комнате сразу же стало тесно. Однако я поняла, что не стоит и пытаться выдворить его за порог, только время зря потеряю.

После явления Бонни дядя Вася приободрился и решил взять инициативу в свои руки.

– Ну давайте уж закончим с вами! – не слишком вежливо обратился он к Татьяне Степановне.

Оправданием такого обращения можно было считать только его плохое самочувствие. И верно: как-то он побледнел, на лбу выступила испарина, так что я забеспокоилась, не подскочила ли снова у моего напарника температура.

– Когда конкретно пропала племянница ваша? – строго спросил дядя Вася.

Посетительница не смутилась и довольно толково отвечала, что Таня пропала три дня назад. То есть вечером не вернулась с работы. Она, Татьяна Степановна, ждала-ждала ее с ужином, а после стала звонить. В магазине трубку никто не брал – все ушли уже и на сигнализацию помещение поставили, а мобильник Танечкин оказался выключенным. Татьяна Степановна забеспокоилась, но поначалу воли страхам своим не давала – мало ли что произошло. Ну встретила кого-то Танюша по дороге, заболталась, а мобильник просто разрядился, он у нее старый, давно менять нужно...

Однако после двенадцати уже места себе не находила, металась по квартире как раненый зверь, капли сердечные пила, на телефон смотрела с ненавистью, как на врага заклятого.

– Как ночь провела – не помню. – Татьяна Степановна достала из многострадальной сумки скомканный носовой платок в вышитых розочках и промокнула глаза. – Глаз, конечно, ни на минуту не сомкнула, а как в забытии находилась. Рано утром еле дождалась, когда в магазине кто-то появится. Да еще сразу нарвалась на начальницу. Та и разговаривать со мной не стала, сразу отрубила – Окуневой, говорит, Татьяны сегодня на работе нет, не ее смена, так что не звоните понапрасну, не занимайте телефон, он мне для дела нужен. Только и удалось выяснить, что вчера Таня на работе была. А когда ушла, куда потом делась...

Голос ее предательски дрогнул. Она машинально протянула руку и погладила Бонни по голове. Он придвинулся ближе с намерением положить свою голову на колени посетительнице.

– Вы, может, чаю хотите? – вскочила я с места.

Не подумайте, что я ревную свою собаку, просто тесное общение с Бонни чревато для малознакомых людей самыми непредсказуемыми последствиями.

Татьяна Степановна согласилась на чай, я помчалась на кухню и по дороге вспомнила, что к чаю-то подать мне совершенно нечего: что не съел дядя Вася, то докушал Бонни. И теперь буфет у нас пустой – ни печенья, ни конфет, ни простых сухарей нету. Ох, верно говорят: «Больной – аппетит тройной!»

Назло дяде Васе я достала из буфета чашку из самого его любимого парадного сервиза, наполнила сахарницу кусковым сахаром и лимон нарезанный положила. Ладно, в конце концов, тетя не чай к нам распивать пришла!

Татьяна Степановна отхлебнула пустого чая, а Бонни тут же выпросил у нее кусок сахара. И умолил, конечно, свою голову у нее на коленях.

– Я тогда в милицию побежала, – продолжала посетительница, – только там со мной и разговаривать не стали! Как услышали, что племянница одинокая, бездетная да молодая, так чуть не на смех меня подняли. Мало ли где и с кем она могла загулять, говорят, тем более что у нее выходной. Сами понимаете – дело молодое. Идите, мамаша, домой и сидите тихо, не отнимайте время у государственных служащих. Ну поругаете ее потом, когда вернется, проведете, как говорится, воспитательную работу.

Выслушав все это, да еще после бессонной ночи, Татьяна Степановна почувствовала себя так плохо, что едва не упала в обморок там же, в коридоре казенного учреждения. Дежурный пожалел ее, дал воды запить лекарство и бесплатный совет – самой обзванивать все городские

больницы: мало ли – племянницу машина сбила или имело место ограбление с членовредительством, человек без сознания лежит, а личность установить не могут.

Вот как помогли.

– А что же вы хотели? – прервал ее дядя Вася самым милицейским голосом. – Такой порядок...

Очень мне не понравились его голос и взгляд. Еще бы гражданкой Татьяну Степановну назвал и протокол допроса на столе разложил! Человек к нам за помощью обратился, а у нас и слов нормальных для него нет! Никакого сочувствия!

Три дня Татьяна Степановна провела за телефоном. Ничего, конечно, не выяснила, отвечали везде в больницах не слишком вежливо, приглашали приехать в морг и посмотреть там неопознанные женские трупы. Она не решилась – чувствовала себя очень плохо. Съездила только в магазин цветочный, в «Виолетту» эту самую, узнала, что Таня в тот день пораньше с работы ушла и вроде бы кто-то на машине ее встречал. И все, больше никаких сведений. Директриса шипела и плевалась, как кобра, сказала, что она Окуневу и так бы уволила, потому что недисциплинированная и в последний день ей нахамила.

Татьяна Степановна совсем пала духом и сегодня утром отправилась в милицию. Заявление они взяли, но Татьяна Степановна поняла, что вряд ли милиция чем-то поможет. Только пообещали вызывать, если труп подходящий найдут, вот и все.

Посетительница вздрогнула и обхватила себя руками, как будто внезапно потянуло холодом, как из морга. Бонни, недовольно ворча, поднял голову.

Так я и знала! Этот паршивец выпустил на юбку-джерси солидную порцию слюны. Костюмчик был еще довольно приличный... Ну что же, теперь не будет!

Татьяна Степановна находилась в таком подавленном состоянии, что не заметила пятна на юбке, а Бонни тут же как ни в чем не бывало улегся обратно.

– Так что вы от нас хотите? – нарушил дядя Вася затянувшееся молчание.

– В милиции Таню какой-то шалавой представили, – пробормотала Татьяна Степановна, – не знаю, может, и есть такие девицы, которые могут с места сорваться и загулять на неделю, никого не предупредив, но только не моя племянница. Мать ее воспитала не то чтобы в строгости, но по-человечески, Таня всегда ей звонила, если задерживается. А тут – четвертый день ни слуху ни духу.

– Она вам не говорила, может, собиралась куда? – спросила я, переглянувшись с дядей Васей.

– Никуда она не собиралась, но нервничала очень, – призналась Татьяна Степановна, – так что мое сердце не на месте. Не иначе, плохое что-то случилось с Танечкой моей... – снова промокнула она слезы на глазах.

– Есть у вас мысли какие-нибудь на этот счет?

– Тут и думать нечего! – сказала Татьяна Степановна, видимо, на что-то решившись. – Он ее и убил!

– Да кто же? – скучным голосом спросил дядя Вася.

– Да муж ее бывший, Валерка! Окунев Валерий Петрович! – отрапортовала посетительница.

– Та-ак... – тихонько протянул дядя Вася, – приплыли.

И вызверился на меня – мол, говорил же, чтобы не соглашалась на встречу с полоумной теткой, вон сколько времени зря потеряли. Мало ли что с ее племянницей случилось – в России, по статистике, каждый год тридцать тысяч людей бесследно исчезают! Жалко, конечно, но тут никакая милиция не поможет, а мы уж тем более.

– И зачем, по-вашему, ему понадобилось убивать бывшую жену? – Я тоже испытала некоторое недоверие к словам нашей гостьи. – Из-за квартиры, что ли?

– И ничего подобного, – невозмутимо ответила она, – вовсе не из-за квартиры. Он как ушел, сразу выписался, да и прописан был без права на жилплощадь. А только она про него что-то знала и могла помешать свадьбе с той подружкой-то, которая увела его.

– Да что она про него знать могла? – усмехнулся дядя Вася. – И потом, кто брошенным женам верит? Уж они-то, ясное дело, такого наговорят, лишь бы нагадить напоследок...

– Вы так говорите, потому что подробностей не знаете, – Татьяна Степановна упрямо поджала губы, – там случай непростой...

Она поерзала на стуле, настраиваясь на долгий рассказ, дядя Вася тяжело вздохнул, сообщив, что отвертеться не удастся. Только Бонни не шелохнулся, за что я была ему благодарна – пока хоть вопрос об измазанном костюме не стоял на повестке дня!

Сестра Татьяны Степановны Лида была женщиной скромной, тихой и малообщительной. С людьми сходилась трудно, зато если уж дружила, то крепко и преданно. Лида рано уехала из отчего дома в Острове – поступила в институт, вышла замуж за парня со своего курса, да так в городе и осталась. Но это уж потом произошло, а пока, как приехала Лида в Петербург, так подружилась с девчонкой из своей группы. Были они не разлей вода, вместе все пять лет провели, вместе и замуж выходили, попросили в загсе в один день расписаться. И пошла у них дружба семейная – вместе все праздники отмечали, вместе в отпуск ездили. Но это потом, когда дети подросли, а родились у обеих подружек детки с разницей всего в один месяц, и обе девочки. Молодые мамы часто вместе гуляли, так что дочки их тоже подружились, считай, раньше, чем заговорили, – с колысочного возраста.

Шло время, Лида с мужем тяжелым трудом заработали от завода квартиру двухкомнатную, дочка Танечка росла всем на радость – красивая, послушная и ласковая. У Лены, подружки-то Лидиной, все не так гладко оказалось. То есть материально-то жили они гораздо лучше, родители Лене помогали, квартиру кооперативную построили, машину купили, гарнитур мебельный финский. Жить бы да радоваться, вот только с дочкой были проблемы.

Сначала-то никто ничего не замечал – просто все, что маленькой Танюшке легко давалось, Оленьке приходилось долго добиваться. Тут надо должное матери ее отдать, Елене, уж она-то все силы дочке отдавала, работу бросила, себя ребенку посвятила. Выправилась девочка, в школу пошла, училась не так чтобы хорошо, но и не на двойки. Ну мать, конечно, и тут в первых рядах – все учительницы у нее обласканы, всем подарочки к праздникам или еще какие услуги оказаны. Но все равно непросто было с Олей – некрасивая она росла, нелюбимая и злая. Ребята в школе ее не любили, друг не нашлось. И взрослый-то человек не сразу поймет, что у ребенка что-то с психикой не в порядке, а уж детям-то как объяснишь... Очень Елена по этому поводу переживала, да и то сказать – какая мать за свое дитятко душой не болеет? А которой все равно, так та не мать, а кукушка...

В этом патетическом месте Татьяна Степановна остановилась передохнуть и отхлебнула остывшего чая. Дядя Вася уже устал возмущаться и делать мне страшные глаза, теперь он смотрел покорно и только вздыхал изредка, как верблюд, нагруженный поклажей.

Я поерзала на стуле – уж больно издалека посетительница начала свой рассказ, этак мы и до ночи до сути не дойдем. Ой, может, прав был дядя Вася, когда советовал мне не соглашаться на встречу!

Татьяна Степановна передохнула и продолжала рассказ под мерный храп Бонни, который удобно устроил голову у нее на коленях и уютно прикорнул.

Одна Танюшка находила с Олей общий язык. У нее характер добрый, светлый, всегда ко всем с улыбкой, Оле многое прощала, даже если та ее и обидит ненароком. Понимала, что давняя дружба дороже мелких обид. Елена это очень ценила и Танюшку всячески привечала, старалась, чтобы девочки почаще виделись. То в выходные их за город везет, то в театр на детский спектакль. То просто в кафе мороженого поест да в скверике погулять.

Лида всегда Танюшку отпускала, тем более что у нее беда к тому времени случилась – муж пить начал. Сначала все в командировки ездил, а работал он наладчиком каких-то там сложных приборов. Командировки длинные да дальние, это тебе не в Москву на денек прокатиться да по магазинам побегать. Там, в захолустье, развлечений по вечерам никаких, вот мужики и пьют – от тоски по семье.

Вот с этого все и началось. Сначала в командировках, потом и в городе стал попивать. Лида не то поздно поняла, не то скрывала, стеснялась родных. Потом уж... отвратить его от этого дела стало невозможно, тут не Лидин характер нужен был, мягкий и уступчивый, а железный. И то вряд ли помогло бы, потому что муж-то слабый оказался на спиртное. Другой пьет всю жизнь – и ничего, работает потихоньку, а Лидин муженек быстро с водки на бормотуху перешел, а как с работы его выгнали – так и настойкой овса не брезговал. Совсем опустился, из дому вещи таскал, и вот как-то в пьяной драке проломили ему голову бутылкой.

– Обычное дело, – вставил дядя Вася, – самое распространенное преступление.

– Да не в том дело! – отмахнулась Татьяна Степановна. – Там никто эту драку и не расследовал, потому что участников было трое и они вообще ничего не помнили.

Лидин муж пролежал неделю без сознания, а потом профессор сказал, что нужно делать операцию, а то он таким и останется – без движения и без речи. Шансов, говорит, мало на благоприятный исход, однако операция сложная, студенты на ней поучатся. Так и сказал: пускай, говорит, от алкаша польза хоть какая-то будет.

Взял с Лиды расписку, что она претензий предъявлять не станет, если что не так. Хорошо, что все летом случилось, когда Танюшка к ним в Остров на каникулы приехала.

Операцию профессор сделал удачно, студенты восхищались, да только через пять дней муж Лидин все равно умер. Оно и к лучшему, потому что пить-то все равно не бросил бы. Горбато, как известно, только могила исправит.

Танюшке тогда пятнадцать лет исполнилось, самый возраст, когда на мальчишек заглядывать начинают да одеться покрасивее хочется. А откуда взять-то? Лида получала мало да еще болеть начала после всего, что пережила... Помогали Татьяна Степановна с мужем чем могли, подарки к праздникам, овощи со своего огорода, яблоки, варенье – все везли в город. Да только всего этого мало было. Так что Танюша как школу окончила, так и пошла работать, не до ученья стало.

А у подружки Лидиной, Елены, все по-другому складывалось. Родители у нее, по советским меркам, были люди обеспеченные, отец не то в исполкоме пост занимал, не то по партийной линии. Зятя сумели пристроить на нужное место, дело он свое открыл, а тесть ему связями помогал. И начал он богатеть – постепенно, не высовываясь сильно, однако семье своей сумел жизнь создать безбедную. Елена дочку по заграницам возила, врачам разным показывала. Уж неясно, что там врачи в голове поправили, только внешне Оля к лучшему изменилась. После швейцарской клиники вернулась если не красавицей, то дефектов особенных ни в лице, ни в фигуре больше не наблюдалось. Учиться поступила в какой-то из новомодных институтов, где за большие деньги богатенькие детки развлекаются. Вроде бы своя компания, да только и там не слишком ее любили. Не так чтобы очень богата, не слишком красива, а самое главное – характер дурной, злая и завистливая очень. Все ей надо больше да лучше, впереди всех хотела быть...

И вроде бы при таком раскладе должны были Таня с Олей расстаться, ан нет. Тут Елена посодействовала, сумела Олю убедить, что новые подружки дочери – это на день, на час, до того времени, пока отец у Оли богатый. А Таня – это навсегда, годами дружба проверена. Нужно, говорит, в жизни иметь такого человека, которому все можешь рассказать и который никаких гадостей тебе не сделает. Это у них с Лидой такая дружба была.

Но зря, видно, Елена по себе свою дочку равняла, не тот у нее был характер. Завистлива была, ох завистлива!

– Да что же ей вашей-то племяннице завидовать... – не утерпел дядя Вася.

Мы с Татьяной Степановной обменялись понимающими взглядами – что, мол, с мужчины возьмешь? Непроницательный народ... Однако Татьяна Степановна вспомнила, видно: детектив-то тут дядя Вася, а я только на подхвате, и принялась объяснять.

Танюшка хоть и одета бедненько и вечно на работе занята, а все же хорошенькая. Да еще голос звонкий да сильный, бывало, с детства на всех праздниках в хоре солировала. Как птичка пела... А в школе в старших классах был у них ансамбль, так даже на конкурсе каком-то первое место заняли. Звали ее и дальше по музыкальному делу, да только деньги понадобились, вот и пошла работать.

Так что парней у нее знакомых было навалом. Вечно телефон обрывали. А у этой Оли все с парнями никак не складывалось. Ее-то интересовали непременно богатые да красивые, а на таких и без нее охотницы найдутся. А на нее если кто посмотрит, то на поверку оказывается полное барахло – кто за ее счет богато пожить хочет. Отец-то ее характером крут, надоело ему Олины прихоти оплачивать, он ей денег много не давал и в банке нужное распоряжение оставил. И Елене наставление сделал – следи, мол, за дочерью лучше, на отдыхе или еще где не подпускай к ней шантрапу всякую. А не то обрюхатит дуреху какой-нибудь шустрый тип, придется замуж за него отдавать, а он, отец-то, дармоедов да альфонсов кормить не собирается.

Вот Ольга и злилась, свободы ей хотелось и денег больших. До того злилась, что даже Татьяне завидовала. Это сестра как-то рассказывала, Елена с ней делилась.

Шло время, Лида все болела да после и умерла. Татьяна Степановна помнит, что Елена на ее похоронах навзрыд плакала, искренне, от души. И Таню по-прежнему привечала.

Прошло какое-то время, приехала Танюшка в Остров да и бухнула Татьяне Степановне: замуж выходит, и уже через месяц. Та вообразила, что ребеночка племянница ожидает, оказалось, нет, просто жених торопит, прописка ему нужна, чтобы на работу устроиться. Он сам-то откуда-то из Петрозаводска, сюда приехал, комнату снимал. Очень Татьяна Степановна за квартиру тогда переживала, уговорила Таню прописать мужа без права на жилплощадь. Вроде бы все у молодых гладко шло, а потом вот такая история случилась.

Валерик этот – тот еще прохиндей оказался. Через Таню, жену свою, надумал в богатую семью влезть. Потому что, как уже говорила Татьяна Степановна, Ольгу отец крепко держал и пришлого парня и на порог бы не пустил, с лестницы поганой метлой выгнал бы.

Опять же, где Валерику, голозадому провинциалу, с девицей из богатой семьи познакомиться? Разная у них среда обитания. Она – на машине дорогой с шофером, а у него всего имущества – вошь в кармане да блоха на аркане. Это для Танюшки он был хорош – красивый да ласковый. А деньги – дело наживное, так она считала, тем более что крыша над головой есть. И главное, Танюшка сама ему все про ту богатую семейку расписала в красках, вот такая уж она – все про себя расскажет, что и не стоило бы, душа нараспашку. Сама честная и добрая, плохого никому не желает, думает, что и все люди такие же.

В общем, Таня сама Валерку официально в ту семью ввела, со всеми познакомила. Елена-то и его приветила, все-таки не просто парень, а законный муж, и к Танюшке она всегда хорошо относилась. Иногда они все трое куда-то ездили, не боялась мать Ольгу с мужчиной отпускать. А тот и рад стараться, следил зорко, чтобы никто к Ольге не приближался. Ну и сумел он как-то ее увлечь. А скорей всего та и сама рада была мужа у подружки увести, вредная девка и завистливая. Как говорят: сделать гадость – на сердце радость, так это про нее, про Ольгу.

Только Валерик большим хитрецом оказался, сумел так Ольгу приворожить, что захотела она за него замуж. И родителям Ольгиным он понравился, хоть Елена Таню и любила, свое-то дитятко всегда ближе. Тем более что он сначала с Татьяной официально развелся, представил ее гуленой какой-то, вроде бы она вольно с мужиками себя ведет и чуть ли не изменяет ему.

– А что – правда это? – вклинился снова дядя Вася.

– Да какое там! – рассердилась Татьяна Степановна. – Все врал и не краснел! Танюшка его любила, ни о ком другом и не помышляла, да и когда ей? С работы домой, из дома на работу... Хозяйство все на ней. А что мужчинам улыбалась, так работа того требует, в магазине-то. Не лаять же на покупателей из-за прилавка!

– Так с чего вы взяли, что муж бывший вашу племянницу убил? – не отставал дядя Вася. – Какие у вас доказательства?

– Доказательств у меня нет, я к вам по этому делу и пришла, – твердо ответила посетительница, – но Таня-то пропала... А я сама накануне слышала, как она с Валеркой разговаривала по телефону. Ты, говорит, меня не остановишь, я, говорит, несмотря ни на что, должна с Алексеем Ивановичем поговорить, ну, с Ольгиным отцом. Это, говорит, очень важно, а Ольга пускай думает что хочет, Бог ей судья. Валерка-то ей, видно, и отвечает по телефону, чтобы оставила их с Ольгой в покое, мы, мол, с тобой разошлись как в море корабли, и прости-прощай! Теперь у него новая жизнь будет с новой женой, и Танюшке в той жизни места нет! Ольга-то, стерва такая, наговорила ему про Таню, что она приживалка, вечно норовила в их доме какую-нибудь мелочь спереть, подарков требовала, все вещи вечно перетрагует, пообедает и в сумку остатки еды тайком сложит...

– Ну и ну! Это подружка-то закадычная, с детства знакомы... – протянул дядя Вася.

– Уж когда мужчина между двумя бабами вклинится, вся дружба врозь! – отмахнулась Татьяна Степановна. – Я тогда не утерпела, Таню отругала, зачем она лезет? Только душу травит да на оскорбленье нарывается... Она и отвечает, что тут дело серьезное и ее, если промолчит, потом совесть замучает. Совестливая больно, вот что, в наше время так нельзя. А на следующий день Танюша моя и пропала. Непременно Валерка, подлец, ее похитил и убил!

Вдруг из глаз посетительницы полились слезы, как будто прорвало плотину. Бонни недовольно пошевелился и поднял голову, а потом вообще отполз в сторону.

«Ну, сейчас начнется!» – подумала я.

Татьяна Степановна сквозь слезы горестно оглядела испачканную юбку и зарыдала еще сильнее.

– Пойдемте в ванную! – вскочила я с места и пнула по дороге Бонни в бок.

Юбка прекрасно отчистилась обычным мылом. Все же умели делать вещи в семидесятых годах прошлого века!

– Ну, что скажешь, тезка? – спросил меня дядя Вася, успевший перебраться на диван.

– Не знаю, – честно ответила я, – вроде бы тетка не врет... Но как-то все запутанно.

– Ну... собственно говоря, смерть племянницы выгодна только ей, – дядя Вася глядел в сторону, – квартиру-то она наследует, говорила же, что муж выписался...

– Вот так же точно и в милиции рассуждают! – вскипела я. – Оттого и преступность расцвела махровым цветом! Я вот Татьяне Степановне верю. И вообще, мы просто обязаны взяться за это дело, раз Бонни так нахулиганил!

– Вы не подумайте. – Оказалось, что клиентка стоит возле двери. – У меня деньги есть. Немного, правда...

Василий Макарович вздохнул, сдаваясь. Аванс мы запросили смехотворный, жалко было тетку.

На прощание она вытащила из своей многострадальной сумки несколько фотографий. Племянница ее и правда оказалась хорошенькой – большие серые глаза, светлые волосы вьются вокруг лица пушистым ореолом, милые ямочки на щеках. Сразу было понятно, что тетка дала ей верную характеристику – сердце доброе, душа нараспашку, все про себя расскажет, всех людей хорошими считает. Простоватая, в общем, но симпатичная девушка.

На свадебной фотографии Таня счастливо улыбалась, жених ее был серьезен. Я повертела снимок в руках. Что ж, парень по-своему хорош. Не писанный красавец, что вызывает недо-

рие, но широк в плечах, мужественный поворот головы, а взгляд слишком прямой и открытый для порядочного человека. Впрочем, возможно, на мое впечатление повлияла информация, полученная от Татьяны Степановны.

Мы с дядей Васей договорились, что для начала я отправлюсь в цветочный магазин, где работала Татьяна Окунева, и попробую там что-нибудь разузнать. В крайнем случае устроюсь туда на работу, как часто приходится делать во время расследования.

Я оделась просто, но аккуратно, макияж наложила скромный и отправилась по указанному Татьяной Степановной адресу.

Подходя к цветочному магазину «Виолетта», я колебалась.

Проще всего было устроиться туда бухгалтером – все же я когда-то окончила техникум и даже работала какое-то время по специальности. Но такая должность редко пустует, да и бухгалтер обычно сидит отдельно от остального коллектива, с ним меньше общаются рядовые продавщицы.

Однако перед самым входом в магазин я увидела объявление, которое разрешило все мои сомнения. У самой двери висела белая карточка с надписью: «Магазину срочно требуется продавец-флорист».

Требуется – отлично! Уж с цветами я обращаться умею, недаром несколько лет ухаживала за собственным садом! Даже курсы садового дизайна окончила!

Я решительно толкнула дверь и вошла в магазин.

Тут я сразу окунулась в атмосферу тропического сада. После сырой и зябкой петербургской зимы это было особенно приятно: вокруг благоухали азалии и бегонии в горшках, орхидеи в специальных коробочках, растопырили листья пальмы и монстеры. На полу и на прилавке красовались срезанные розы и гвоздики.

– Вам для мужчины или для женщины? – раздался у меня над ухом вкрадчивый голос.

– Что?! – удивленно переспросила я, повернувшись. Передо мной стояла хрупкая блондинка лет тридцати пяти в голубом свитере и узких джинсах, расшитых стразами.

– Ну, вам букет мужской или женский? – повторила она. – И на какой случай – день рождения? свадьба? юбилей? Или, может быть, вас интересуют комнатные цветы?

– А, нет! – Я наконец сообразила, чего она хочет. – Я не за цветами, я по объявлению. Вам ведь требуется продавец?

Блондинка сразу переменилась. Лицо ее стало жестким и подозрительным, в глазах блеснул металл, и даже возраст изменился – теперь я видела, что ей никак не меньше сорока.

– Где раньше работала? – осведомилась она, в то же время придирчиво оглядывая меня с ног до головы.

– Я... да вообще-то... я курсы ландшафтного дизайна окончила и практиковалась...

Я хотела добавить, что ухаживала за собственным садом, но вовремя прикусила язык. Если имелся сад, стало быть, наличествовал и загородный дом. А если наличествовал загородный дом, то был и муж, раз я не работала и ухаживала за садом. Года полтора назад у меня все это было, ей-богу, не вру. А теперь ничего подобного нет... Но я не жалею. Хотя некоторые люди, узнав про мои обстоятельства, испытывают самое настоящее злорадство – была, мол, богатая, но не все коту масленица, бросил муж, и поживи теперь, как все. Кто знает, возможно, эта блондинка относится именно к таким индивидуумам?

– В общем, это неважно! – оборвала меня блондинка. – Все равно в зал тебя выпустить нельзя, еще с деньгами напутаешь.

– Что это я напутаю? – я обиделась. – Между прочим, я бухгалтером работала!..

Но она меня, похоже, не слышала.

Обернувшись в глубину магазина, она громко крикнула:

– Ксения!

Из зарослей фикусов и пуансеттий появилась невысокая темненькая девушка в резиновых перчатках.

– Ксения, будешь в зале работать, – скомандовала блондинка. – А в подсобку вместо тебя пойдет вот она... тебя как зовут?

– Ва... Василиса! – Я вовремя сообразила представиться настоящим именем, потому что эта железная блондинка наверняка потребует паспорт.

– Умеешь за цветами ухаживать? Поливать, опрыскивать, пересаживать, подрезать?..

– А как же! – обрадовалась я, уж что-что, а работать с цветами я умею и люблю, и цветы отвечают мне взаимностью.

– В общем, это неважно, – снова оборвала меня блондинка. – Елена тебе все покажет, а если не справишься – скатертью дорога, желающих на это место полная улица... Паспорт есть?

Она придирчиво проверила в паспорте прописку и малость оттаяла. Не то чтобы поглядела на меня приветливо, скорее угомонила на время, потому что привязаться-то не к чему.

– Я трудовую книжку завтра принесу! – заторопилась я.

– Если оно будет, завтра-то... – процедила блондинка, – посмотрим еще, годишься ли ты для работы...

Я пожала плечами и прошла в подсобку.

Это было просторное помещение, заставленное горшками и коробками с цветами. Среди этого цветочного царства расхаживала женщина лет сорока в синем рабочем халате.

– Ты новенькая, да? – спросила она с интересом. – Я Лена...

– А я – Вася! – представилась я. – Люблю с цветами возиться!

– Это хорошо, – одобрила Лена. – Вовремя ты появилась, а то Римма уже искрит!

– Римма – это та блондинка в голубом? – я бросила взгляд в сторону торгового зала. – Она, я так понимаю, ваша начальница?

– Директриса! – отозвалась Лена, поправив тыльной стороной руки упавшую на глаза прядь. – Знаешь, если скрестить пантеру с коброй – получится что-то вроде нашей Риммы Михайловны. Но, конечно, это будет ее бледное подобие. Удивительно, что цветы от ее присутствия не вянут... Ну, не буду тебя пугать, а то еще уйдешь в первый же день, а мне тут одной не управиться... – И она принялась старательно опрыскивать очередное деревце.

– А нет у вас лишнего халата? – спросила я, оглядевшись. Уход за растениями – работа довольно грязная, и я не хотела испачкать свою одежду.

– Вон, возьми тот халат! – Лена показала в угол за шкафом с удобрениями. Там действительно висел на гвоздике синий халат, такой же, как на ней.

Я сняла халат с гвоздика, сунула руки в рукава. Он оказался мне вполне впору. Машинально взглянув в зеркало, я увидела на кармашке вышитое желтыми нитками имя – Таня.

– А это чей халат-то? – я вопросительно взглянула на Лену. – Хозяйка будет недовольна...

– Не беспокойся! – Лена снова поправила волосы привычным жестом. – Татьяна не вернется.

– Уволилась, что ли? – спросила я, стараясь не показать свой интерес.

– Исчезла, – коротко ответила Лена.

– Что значит – исчезла?

– То и значит! Ушла из магазина и не вернулась! Даже конца рабочего дня не дождалась! Халатик сняла, вышла из магазина, села в машину – и все, поминай как звали! Римма от злости сама не своя была, прямо ядом ей вслед плевалась!

– Ничего себе! – На этот раз я не стала скрывать заинтересованность. – Надо же, какая у людей интересная жизнь! Уехала с принцем на белом «мерседесе» и начала новую жизнь... А тут живешь – и совершенно никаких событий!

– Ну насчет принца – это я не знаю! – Лена пожала плечами. – Вышла уже из того возраста, когда верят в принцев. И ты вроде уже не в детский сад ходишь. И не белый «мерс» за ней приехал, а черный «опель»...

– Ну ведь тоже неплохо. – Я снизила планку. – Бизнесмен на черном «опеле» – может, и поскромнее, но более реально...

– Ой, да это совсем не тот случай! – отмахнулась Лена. – Татьяна недавно с мужем развелась, очень переживала. Так что вряд ли она сразу новый роман закрутила.

– Ну, может, как раз и решила выбить клин клином... – не сдавалась я.

– Да нет, ерунда... тут через пару дней после того, как она исчезла, приходила ее тетка, расспрашивала нас. Татьяна в тот день и домой не вернулась...

– Да что ты говоришь! – Я придвинулась поближе, боясь пропустить хоть слово, но тут в подсобку вошла директриса Римма Михайловна.

Увидев нас, она зашипела, как кошка:

– Болтаете? Я вам за что плачу – за работу или за разговоры? Кажется, мы не на ток-шоу, а в магазине!

– Римма Михайловна, я новенькую ввожу в курс дела, – нашла Лена. – Объясняю ей, как обращаться с пуансеттиями...

– Она же сказала, что прекрасно разбирается в цветах! – фыркнула Римма. – А это что? – она пнула ногой картонную коробку, стоящую у стены. – Я еще когда велела это выкинуть!

– Не успели... – Лена попятилась и опустила глаза. – Очень много работы...

– Если не справляешься – так и скажи, сейчас кризис, на твое место очередь выстроится!

К счастью, в этот момент ее позвали из зала: появился какой-то важный клиент. Римма исчезла, и через минуту до нас донесся ее голос – воркующий и приветливый. Видимо, у нее было два разных голоса – один для клиентов и другой для персонала.

– И часто она так? – спросила я Лену.

– Да все время! – отмахнулась та. – Я же говорю – помесь гюрзы и крокодила...

– Ты говорила – кобры и пантеры!

– И это тоже.

– А что это за коробка? – я показала на картонную коробку, вызвавшую очередной взрыв гнева директрисы.

– Да вот Татьянины вещи остались, – вздохнула Лена. – Римма в первый же день велела их выкинуть, а у меня все руки не поднимались. Вдруг, думаю, Таня вернется... но теперь уж придется отнести на помойку, а то Римма сожрет с потрохами!

– Я отнесу, – охотно вызвалась я. – Только скажи, где у вас ближайшая помойка.

Лена явно обрадовалась:

– Выйдешь через заднюю дверь, и сразу налево будут баки...

Я схватила коробку и выскользнула из магазина.

Разумеется, мне хотелось порыться в вещах пропавшей Татьяны Окуновой.

Выйдя из магазина через служебную дверь, я оказалась в безлюдном мрачном дворе. Слева от выхода действительно виднелись ржавые мусорные баки. Я подошла к ним, но прежде чем выбросить коробку, поставила ее на пустой ящик из-под пива и собралась приступить к изучению ее содержимого.

Но в это время у меня за спиной раздался суровый окрик:

– А ну вали отсюда!

Я обернулась. Позади меня стоял бомж, обмотанный длинным шарфом бело-синих цветов футбольного клуба «Зенит».

– Что тебе? – спросила я удивленно.

– Известно чего! – рявкнул бомж. – Проваливай отсюда на второй космической скорости, контрафактница!

– Чего?! – Я захлопала глазами, услышав из уст бомжа такое заковыристое слово. – Как это ты меня обозвал?

– Кто ты есть – так и назвал! Потому как ты злостно нарушаешь нормативные правила и договорные обязательства!

– Ничего себе, как ты выражаешься! – восхитилась я. – Где ты только таких слов набрался?

– На институтской скамье! – ответил бомж гордо. – Я, между прочим, в прежней жизни был дипломированный юрист, специалист по договорному праву!

– И чего ты, специалист по дворовому праву, хочешь от меня?

– Хочу, чтобы ты немедленно покинула контролируемую мной территорию! Мы с коллегами составили договор, по которому эта помойка входит в мою сферу влияния, так что убирайся подобра-поздорову, пока я не применил к тебе штрафные санкции в соответствии с пунктом четвертым раздела пятого...

– Я на твою помойку не претендую, – заверила я дворового юриста. – Я вообще-то в цветочном магазине работаю, так что тебе лучше со мной не ссориться. И вообще – я только проверю содержимое этой коробки. Кажется, я там важную накладную оставила. Найду накладную – а все остальное можешь забирать...

– А, ну тогда ладно! – успокоился бомж. – Тогда я буду рассматривать твое появление как форс-мажорное обстоятельство...

– Что?! – переспросила я.

– Обстоятельство непреодолимой силы, – перевел он с птичьего языка на человеческий. Разобравшись с конкурирующей фирмой, я приступила к обследованию коробки.

Здесь были обычные женские мелочи – расческа с застрявшими между зубьями светлыми волосками, маникюрные ножницы с отломанным кончиком, полупустая бутылочка розового лака, дешевый крем для рук... ну да, ей приходилось возиться с удобрениями и прочей химией, а от этого руки очень портятся, знаю по себе...

Еще я нашла упаковку бумажных носовых платков, флакончик спрея от насморка, использованные резиновые перчатки, пару рекламных прошлогодних календариков, несколько дисконтных карт из одежных и обувных магазинов...

На оборотной стороне нескольких карт были записаны номера телефонов, и я эти карты на всякий случай сунула в карман.

– Эй! – окликнул меня бомж. – Ты же говорила, что только накладную ищешь!

– Остынь, дядя! – отмахнулась я. – Сам же признал, что я – обстоятельство непреодолимой силы!

Продолжив свои археологические раскопки, я нашла складную вешалку для одежды, пересохшую губку для чистки обуви, упаковку ментоловой жевательной резинки без сахара, две круглые резинки для денег, несколько английских булавок... я сама всегда ношу при себе пару – не то чтобы от сглаза, а на случай внезапной аварии – вдруг что-нибудь из одежды порвется...

Бомж недовольно пыхтел у меня за спиной. Явно он считал, что я покушаюсь на его законную добычу.

Я активизировала поиски, но больше не нашла в коробке ничего заслуживающего внимания. Прихватила еще на всякий случай какие-то бумажки, чтобы после с ними разобраться, и вернулась в магазин.

– Ты что так долго? – недовольно спросила Лена, когда я вошла в подсобку.

– Да покурила немножко, – соврала я. – Здесь же нельзя курить, растения не выносят дыма...

– Это точно, – вздохнула Лена. – А главное – Римма его на дух не выносит. Устраивает скандал, если ей только померещится запах курева. Хорошо, она не засекала, что ты так долго отсутствовала, а то бы сразу без разговоров уволила.

Я снова приступила к уходу за растениями. Одни подкормить удобрением, другие опрыскать, убрать пожелтевшие листья...

От любимого занятия полегчало на душе, и незаметно пролетело время до обеда.

Лена взглянула на часы и сказала, что мы можем прерваться на полчаса и сходить перекусить в кафе через дорогу.

В кафе было почти пусто, к нашему столику сразу подошла официантка – слишком ярко накрашенная брюнетка лет двадцати семи. Она поздоровалась с Леной, как с хорошей знакомой. Лена кивнула на меня и сказала:

– Лиза, а это Василиса, она у нас теперь вместо Татьяны работает...

– Эта Татьяна!.. – фыркнула официантка. – Век бы ее не видеть! Та еще зараза!..

Я удивленно переглянулась с Леной.

Мы заказали блинчики с вареньем, кофе и горячие бутерброды, и официантка удалилась. Я только хотела спросить Лену, почему у этой девицы вызвало такую реакцию упоминание о Тане, но у нее зазвонил мобильный телефон. Она взглянула на дисплей, тяжело вздохнула и поднесла трубку к уху.

– Да, тетя Люда... нет, тетя Люда... конечно, тетя Люда... ну вы же знаете – я на работе! О господи! Как вас угораздило? Ну ладно, хорошо, я скоро приеду!

Закончив разговор, Лена вздохнула еще тяжелее и пояснила:

– Тетка моя одна живет и чудит... ей и лет-то не так много, восьмидесяти еще нет, но вечно с ней случаются какие-то истории. Сейчас звонит – вышла на лестницу, у соседки хотела соли попросить и захлопнула дверь. Ключи взять забыла и теперь стоит на площадке, ждет, когда я к ней приеду... у меня на всякий случай запасной комплект ключей имеется, но я представляю, что придется выслушать от Риммы...

– А что – у соседки подождать не может?

– Да в том-то и дело, что эта соседка на работе! Пока она вернется, тетка моя воспаление легких заработает! Нет, Вася, ты не представляешь, как тяжело со стариками!

Нам принесли заказ, Лена торопливо заглотала блинчики и убежала, оставив на столе деньги.

К моему столу подошла официантка – не Лиза, другая, постарше и посolidнее. Пока она собирала на поднос Ленину посуду, я воспользовалась моментом и спросила, покосившись на дверь в подсобку:

– А что это Лиза такая нервная? Только упомянули Татьяну из цветочного магазина – у нее прямо истерика началась!

Официантка взглянула на меня настороженно. Видно, ей хотелось поговорить, но меня она пока мало знала... однако не удержалась, понизила голос и сообщила доверительно:

– Так у нее же эта Татьяна мужика увела!

– Мужика? – переспросила я заинтересованно. – А мне говорили, что эта Татьяна такая тихоня...

– Ага, знаешь, как говорят – в тихом омуте черти водятся... Так это прямо про нее, про Таньку!

Она замолчала – видно, решила, что и так сказала лишнее. Мне же хотелось узнать о Татьяне как можно больше, а для этого требовалось разговорить официантку. Лучший способ развязать человеку язык – усомниться в его осведомленности, что я и сделала.

– Извини, но что-то мне не верится... – проговорила я, вяло ковыряясь в тарелке с остатками еды. – Все говорят, что Татьяна ни на кого, кроме своего мужа, и не смотрела. Так что вряд ли она могла у кого-то отбить мужика...

– Так это он и был! – воскликнула моя собеседница, не справившись с эмоциями.

– Кто – он? – удивленно переспросила я.

– Да муж ее!

И официантка рассказала мне душераздирающую историю прямо для женского журнала.

Года два назад к ним в кафе начал захаживать интересный парень. Рослый, широкоплечий, с густыми красивыми волосами. Не сказать, что киношный красавец, но хорошее открытое лицо, ясный взгляд, приятная улыбка...

В общем, официантка Лиза вздыхала, строила симпатичному клиенту глазки, и он в конце концов не устоял. У них завязался роман.

Лизавета буквально расцвела, похорошела, казалась выше ростом и – можете себе представить? – даже перестала грубить посетителям кафе. Валерик, так звали ее возлюбленного, являлся каждый день, шутил с девушками и обедал всегда за ее столиком. Причем, по наблюдению моей собеседницы, денег за обед не платил, Лизавета выкручивалась сама – где припишет, где свои доложит. Словом, Валерик вел себя по-родственному, и от этого у Лизаветы даже появились мысли о замужестве.

Правда, было одно «но» – ни у Лизаветы, ни у ее ясноглазого избранника не имелось собственного жилья. Оба иногородние, оба жили на съемных квартирах, и Валера дал своей подруге понять, что всякие мысли о свадьбе придется отложить до тех времен, когда он сумеет решить квартирный вопрос.

И тут в магазине напротив появилась Татьяна. До этого она работала в другом цветочном, возле метро «Пионерская».

На первых порах общительная Лизавета подружилась с цветочницей, болтала с ней о своем, о девичьем, и даже между делом познакомила ее со своим потенциальным женихом... То есть не то чтобы познакомила, но отвлеклась на работу и позволила своему Валерику с Татьяной пару раз поболтать. В конце концов, не в вакууме живем, кругом люди, за всеми не уследишь...

Это и стало ее роковой ошибкой. Потому что следовало сразу же вцепляться Татьяне в волосы или надеть на голову кастрюлю с остатками овощного рагу. Или макарон по-флотски. Чтобы наглая цветочница сразу поняла, что брать чужое нехорошо и что за это можно схлопотать по полной программе.

Как только Валера узнал, что у Татьяны имеется собственная квартира, он тут же охладел к черноглазой официантке и бросил все свое мужское обаяние к ногам цветочницы. Лизавета слишком поздно поняла, что ее карта бита.

Татьяна была девушка скромная, неискушенная, большого опыта в сердечных делах не имела и вскоре сдалась на милость обаятельного широкоплечего красавца.

Лизавета, разумеется, закатила бывшей подруге грандиозный скандал с криками и битьем посуды, но это не принесло ей никакой пользы, а только вычли за посуду, и хозяин обещал уволить, если еще хоть раз такое случится.

После скандала и Татьяна, и Валерий перестали посещать кафе, и вскоре от других девушек из «Виолетты» стало достоверно известно, что они поженились.

С тех пор у Лизаветы очень испортился характер, а при одном упоминании о Татьяне у нее начиналась истерика. Немного полегчало ей только тогда, когда она узнала, что Валерий развелся с женой, не прожив с ней и двух лет.

«– Так ей и надо, мерзавке! – говорила Лиза в тот день, нервно курая в подсобке. – Думала на моем несчастье свое счастье построить... так вот тебе, стерва!»

– Ну так тоже нельзя, – проговорила я, выслушав эту житейскую историю. – Нельзя же радоваться чужому несчастью... а теперь Татьяна вообще исчезла...

– Да вернется она, никуда не денется! – отмахнулась официантка. – Она же со своим знакомым уехала...

– С каким знакомым? – переспросила я удивленно. – Девушки из цветочного ничего не говорили про знакомого...

– Да они ничего не видели! – она снова понизила голос, глаза ее загорелись. – Его машина на этой стороне улицы стояла, прямо возле нашего окна, а у нас в кафе как раз клиентов не было, так что я без дела маялась и все видела...

Я невольно покосилась на большое окно кафе. Через него и правда хорошо просматривалась улица, немногочисленные прохожие и проезжающие мимо автомобили. При желании здесь можно было устроить отличный наблюдательный пункт. А желания, как и свободного времени, у моей собеседницы имелось в избытке.

– Я эту кошку уже раза три видела! – увлеченно продолжала разговорчивая официантка. – И Татьяна каждый раз к нему подходила, разговаривала...

– Кошку? – переспросила я. – Какую кошку? Ты же сказала, что это был мужчина...

– Ну да, за рулем – мужчина, а на машине – кошка... ну, знаешь, дикая кошка, как она называется... пантера!

– Ягуар, что ли? Фигурка ягуара на капоте? А Лена говорила, что это был «опель»...

– Да не знаю я, «опель» или «тойота», я в машинах не разбираюсь! Это не моя стихия! А пантера не на капоте, а сбоку на машине нарисована! Знаешь, как сейчас рисуют – кто льва, кто акулу, кто орла... а на этой машине – розовая пантера!

– Аэрография, что ли? – догадалась я.

– Ну я не знаю, как это называется, а только сейчас много таких разрисованных машин. Так вот, я эту самую пантеру уже три раза под нашим окном видела. И в тот день, когда Татьяна пропала, она здесь остановилась. Татьяна подошла, поговорила с водителем, села и уехала. Ну и больше я ее не видела...

Тут официантку окликнул клиент, который давно дожидался ее за дальним столиком. Она спохватилась, что слишком заболталась со мной в ущерб своим профессиональным обязанностям, и резко оборвала интересный разговор.

Я неторопливо пила чай и размышляла. Как видно, Татьяна Степановна ничего не преувеличила, давая характеристику бывшему мужу своей племянницы. Подловатый, прямо скажем, мужик. Решил свою карьеру строить исключительно за счет женщин. Ничем не брезговал. Казалось бы, что возьмешь с официантки? Зарплата у нее маленькая, сама приезжая, статуса никакого, жилплощадь съемная и связей тоже никаких... Только и тут Валерик пристроился – обедал каждый день бесплатно. Как говорится, курочка по зернышку клюет, с паршивой овцы хоть шерсти клок... А как только появилась у него на горизонте одинокая девушка с собственной двухкомнатной квартирой, он тут же переметнулся к Татьяне. Пришлось даже жениться на девушке, чтобы постоянную прописку получить. А уж потом-то, когда оказалось, что Танечка его в богатую семью ввести сможет, он и развернулся. Да, спокойно мог такой тип жену бывшую убить, чтобы она его планы не нарушила. Этот за возможность красивой жизни на все пойдет!

Все оно так, но официантка-то видела Татьяну с другим мужчиной. Уж Валерика-то она бы узнала. И машину его тоже. Кстати, какая у него машина? Надо выяснить. Скорей всего что-нибудь покруче «опеля», надо же жену молодую на приличной машине возить! Или папочка выдаст машину с водителем. Так, наверное, проще: не угодит зятек – можно его под зад колесом выгнать. С чем пришел, с тем и ушел.

– Еще что-нибудь принести? – раздался надо мной неприветливый голос.

Это Лизавета подошла, а я и не заметила, погрузившись в размышления.

– Спасибо, ничего не надо...

Она уже протягивала мне счет. Я раскрыла сумочку, углубилась в нее в поисках кошелька, не нашла его, рассердилась и вывалила на стол все содержимое. Клянусь, я сделала это не нарочно, просто кошелек вечно оказывается на самом дне, такая уж у меня сумка.

– Что это? – Лизавета наклонилась и выхватила из кучи барахла на столе фотографию.

На снимке был изображен Валерий Окунев, муж Тани. С разрешения нашей клиентки я разрезала свадебную фотографию пополам, чтобы показывать их по отдельности – мало ли как дело обернется. И вот Лизавета поднесла к глазам эту фотографию и тут же уставилась на меня волком:

– Откуда это у тебя?

– А твое какое дело! – Я сделала попытку выхватить у нее из рук снимок, но не тут-то было. – Отдай! – Я начала нервничать.

Если мы сейчас с Лизкой раздеремся, как бы не накостылял мне охранник. Скажет еще, что я платить не хочу. Можно, конечно, первой пожаловаться на ее хамство, но мне не с руки привлекать к себе лишнее внимание.

– Ты не зарывайся, – сказала я спокойно, – вот, получи по счету, и простимся прямо сейчас.

– Ага, разбежалась! – усмехнулась Лизавета. – Пока не скажешь, откуда у тебя эта фотография, никуда отсюда не уйдешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.